

Есть!

Автор:

Анна Матвеева

Есть!

Анна Александровна Матвеева

Анна Матвеева – автор романов «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной», сборников рассказов «Подожди, я умру – и приду», «Девять девяностых», «Лолотта и другие парижские истории», «Горожане». Финалист премий «Большая книга», «Национальный бестселлер».

Главная героиня романа «Есть!», популярная телеведущая Геня Гималаева – молода, талантлива и успешна: она ведёт авторское кулинарное шоу, её репутация и вкус не подвергаются сомнению, поклонники преданно заглядывают в глаза и ждут новых гастрономических откровений...

Но однажды Геня встречает словно бы копию самой себя: те же пристрастия и привычки, детали биографии и методы игры... И самое главное – соперница хочет занять её место! Но возможно ли победить собственное отражение?

Анна Александровна Матвеева

Есть!

© Анна Матвеева

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

...Только писатели хорошо разбираются в кулинарном искусстве. Привыкнув к изысканности, они лучше других людей умеют ценить изысканности стола.

Александр Дюма

Часть первая

Первые примеры чревоугодия нам преподали две женщины: Ева, съевшая яблоко в раю, и Прозерпина, съевшая гранат в аду.

Александр Дюма

Глава первая,

которая по логике вещей и событий должна стать последней, однако в ней всё только начинается. Здесь впервые появляется наша героиня и размышляет о том, какие неожиданные (и ненужные) приобретения можно сделать в продуктовом магазине. Кроме того, в этой главе присутствуют одно телевизионное шоу, несколько свежих идей и целых четыре толстяка

Ресторан держат четыре брата. Старший, Массимо, сидя – свисает со стула боками, а ходит – раскачиваясь и посвистывая, как резиновая утка, отслужившая банной игрушкой минимум пяти поколениям. Массимо, в полном соответствии имени, главный, – команды он подаёт с места: «Альфонсо! Устрицы на первый! Марио! Счёт на восьмой!», и так же с места орёт на посетителей, если они вдруг заказали не то вино, или пропустили «первое».

Альфонсо – средний брат – выглядит чуть более подтянутым, и запросто проходит в дверь – правда, поднос он всегда крепко держит обеими руками и ноги у него явственно заплетаются. Мне с моего места видно, что Альфонсо каждый новый поход на кухню отмечает глотком вина из припрятанной в шкафчике бутылки.

Тем временем заляпанная разнокалиберными пятнами карта меню (будто карта мира, заляпанная материками) выскользывает из волосатой ручищи Марио.

Его – третьего брата – можно считать стройным: при известном человеколюбии и на фоне старших парней. Марио весит не более ста пятнадцати килограммов, но ему не очень повезло с подбородками – подбородков у Марио несколько, и каждый имеет свой собственный размер, очертание, а возможно, и предназначение. Я, пожалуй, слишком пристально изучала удивительные подбородки Марио, потому что он вдруг смутился, сдвинул меню одной ручищей, пока другая ручища, похожая на раскормленного бобра, ловко сгребла сервировочные тарелки и бокалы: мы с Екой хором отказались от вина. По этому поводу Марио укоризненно поцокал языком, но бокалы послушно унёс, и вскоре к нашему столу подкатился весёлым колобком четвёртый толстяк, Джанлука – братья так громко обращались друг к другу, что запомнить, как их зовут, не смог бы только абсолютно глухой посетитель (каких в ресторане «Ла Белла Венеция» в тот вечер, по-моему, не было).

Ека разгладила складочку на скатерти, раскрыла меню – такое же заляпанное, как и у меня (разве что пятна-материки были темнее), и впилась взглядом в список «антипасти». Я смотрела на Еку, и думала, что скоро настанет день, когда мне больше не надо будет на неё смотреть. «Господи! – взмолилась я, поднимая глаза к пыльной муранской люстре, – я согласна отдать что угодно, лишь бы этот день пришёл скорее!» Я готова стать такой же толстой, как Альфонсо, Массимо, Марио и Джанлука вместе взятые, лишь бы вернулось то славное время, когда никакой Еки в моей жизни не было.

Хорошо бы кто-нибудь рассказал эту историю от начала и до конца.

Хорошо бы этот кто-нибудь рассказал всё честно, как на приёме у врача, а лучше – как врач врачу, отбросив ложный стыд и сомнения, этику и деонтологию, честь и совесть.

Увы, желающих нет, и рассказывать придётся мне самой. Что ж, ничего другого в мире всё равно не осталось, кроме этой истории, меня и Еки. Прочее – декорация, статисты. Даже «Ла Белла Венеция» с её газетными вырезками и фотографиями, наклеенными прямо на стены, даже Массимо, выписывающий счёт и с трудом удерживающий авторучку сарделечными пальцами.

Начать можно так:

«Геня всегда любила есть, и радовалась тому, что это – есть.

Еда как способ насытиться, еда как наслаждение, еда как способ манипулировать людьми. Лучший и самый верный способ; куда там нейролингвистическому программированию. Хотите превратить бульдога в кролика? Вовремя покормите его. Хотите уютной семейной жизни? Готовьте сами. Хотите счастья? Ешьте по-настоящему вкусно! Ешьте с Геней. Ешьте как Геня. Ешьте лучше Гени (если сможете). И не бойтесь растолстеть – набирают вес лишь те, кто не умеет есть вкусно. “Вкусная еда не бывает вредной”, – так говорит Геня Гималаева, гений кулинарии, ведущая телепрограммы “Гениальная кухня” на канале “Есть!”...»

Или так:

«...Геня Гималаева любила готовить и любила кормить всех вокруг – особенно детей и несчастных влюблённых, потому что именно детей и несчастных влюблённых сложнее всего накормить».

Джанлука склонился к нашему столику и крикнул:

– Синьоры, теперь расскажите мне всё!

– Антипасто мисто, – тихо, будто секретный пароль, сказала Ека. – Первое пропускаю (Массимо в отдалении скрежещет зубами), на второе – печень по-венециански с полентой. И тех булочек с чесноком, которые были вчера.

– То же самое, – я кивнула Джанлуке, и он покатился в кухню, где Альфонсо неверными движениями прятал в шкаф опустевшую бутылку.

Меня называли Евгенией, но я не люблю это имя вместе со всеми его жжёно-женски-жеманно-жэковскими производными. Просто не любить – ничего страшного, но, когда дело дошло до публичности, пришлось придумывать новое имя. Кстати, Еке (однако! она должна была появиться значительно позднее, но вылезла уже в первых строчках), так вот, Еке помогли найти новое имя коллеги, поскольку свое родное – «Катя» – она произносила с гадким присюсюком. «Каця» – это ещё хуже, чем Жека! Народ скинулся идеями и раскошелился на «Еку». Три первых буквы длинного имени, которое нравится мне ничуть не больше моего собственного.

Всё, постараюсь взять себя в руки и хотя бы несколько минут подряд не думать об этой... об этой... хотите, расскажу, как мы с ней встретились в первый раз?

Я тогда была счастлива, как в песне – «...их дети сходят с ума от того, что им нечего больше хотеть». У меня было несколько шоу. Рой преданных поклонников, рубившихся за меня, как пчёлы – за правду-матку. Несравненный и тогда ещё неистовый П.Н. Моя чудесная кухня... В общем, всё было именно так, как представляют себе наивные молодые люди в своих наивных молодых мечтах. Потом, по мере взросления, молодые люди поймут, что за каждым успехом, как баржа на тросе, тянется штраф, и удивительно, если штраф этот запаздывает. Как правило, счёт за удовольствие подают без промедлений. Это вам не Массимо с братьевьями из ресторана «Ла Белла Венеция» – вчера мы ждали счёт больше сорока минут, после чего на полусогнутых явился Альфонсо с абсолютно пустым листком бумаги и сказал: «Аллора, синьоры, давайте вместе вспоминать, чего вы тут наели».

Так вот, в доекатерининскую эпоху я честно не знала, о чём бы ещё попросить Провидение – ну разве только чтобы в гипермаркет «Сириус» завезли бы наконец свежие артишоки и начали бы продавать их там постоянно. Я думала именно об артишоках в тот день, когда катила по залу «Сириуса» громадную корзину на колёсах. То был осмотр владений: сразу после того как у нас открыли «Сириус», я привыкла считать его своим домом. Кассирши здесь знают меня по имени, новенькие продавщицы берут автографы, а смелые покупательницы спрашивают совета, и все они – кто искоса, кто явно – заглядывают в мою корзину, пытаюсь запомнить, что именно купила сегодня в «Сириусе» Геня Гималаева.

Когда я была маленькой, то именно так – «Гималаева» – выговаривала свою простую фамилию «Ермолаева».

В тот день у меня в корзине уже лежали две упаковки белейших крупных шампиньонов, тыква баттернат, венгерский бекон (душистый, скользкий, но достаточно прочный для того, чтобы им можно было обмотать, как лентами, толстенные эскалопы или куриные грудки), а ещё там были индийский рис, мягкий морщинистый чернослив, груши дюшес и литовский пармезан, к которому я отношусь вполне дружески, хоть и не понимаю, почему он называется пармезаном. Я разминалась перед покупкой главного продукта и не могла решить, что я буду сегодня готовить – нежное, как моцарелла, филе судака или баранину с чесноком: в «Сириусе» хвалялись свежими поступлениями...

...Геня Гималаева, кулинарная этуаль, подруга и личный повар главного городского гурмана, оценивающего блюда по шкале междометий от удивленного «М-м-м-м?» до страстного «О-о-о-о...», ловко рулила корзиной по лучшему городскому магазину снеди и вспоминала вчерашнюю премьеру «Сириус-Шоу». Программу снимали именно здесь, в гипермаркете «Сириус», вот уже пять лет бывшем гордым спонсором и основным подателем рекламы телеканала «Есть!». Покупательницы произвольно выбирали продукты, а затем рассказывали (и показывали) ведущей, какие прекрасные блюда они будут готовить из купленного. Героинь отлавливали в очереди, предлагали продемонстрировать покупочки и поделиться рецептом с телезрителями. Двух тётенок Геня подготовила заранее – чтобы слегка разукрасить общий серый фон.

– ...Знаете, как питаются в России? Я часто задаю себе этот вопрос, потому что хочу научить наших соотечественников любить еду и готовить с удовольствием. Поделюсь с вами одним секретом, – доверительно, как гинекологу, рассказывала видеокамере Геня. – Я очень люблю заглядывать в корзины покупателей «Сириуса» (первое упоминание), но что я там вижу? Унылую копчёную курицу, готовый салат, наструганный равнодушными руками незнакомого вам человека (здесь меня слегка занесло, но ничего, все перегибы вырежут при монтаже), полуфабрикатные перцы, кетчуп, майонез и торт под пластиковым колпаком. Прибавьте к этому три бутылки пива, нарезанный батон, шоколадку – и полу?чите картину «Ужин по-русски»! Не знаю, как вам, дорогие, а вот лично мне почему-то совсем не хочется делить даже с самыми лучшими друзьями такую

трапезу. Но сегодня нам это, кажется, не грозит. Давайте узнаем, что собирается приготовить сегодня на ужин наша гостя – Елена! Я вижу в корзине у Елены российский сыр, муку, яйца, куриные окорочка...

(Елена смущается так, будто бы телезрителям предъявляют её собственные окорочка.)

...оливковое масло, бородинский хлеб, кинза, творог, каперсы, горчица с чёрной смородиной. Интересный набор!

(Елена – это уже не «подготовленная заранее» тётенька, а стопроцентно натуральная покупательница. Она кусает губы и озирается по сторонам, демонстрируя неуверенность в себе и в окружающих. Замороженные окорочка выглядят жутко, но мы-то знаем, как могут воспарить эти птицы в умелых руках!)

– Я обжарю окорочка, – рассказывает Елена, – то есть разморожу их, вначале, конечно, а потом обжарю, намажу горчицей, посыплю тёртым сыром с каперсами и запекую в духовке. А творог и яйца – это на утро: сырники сделаю.

Геня обожает сырники. Она готова их есть на завтрак каждый день, но об этом даже П.Н. не знает. Они с Геней редко вместе завтракают – П.Н. приходит к ней, как в ресторан.

Геня всё так же ловко рулит корзиной, с удовольствием вспоминая вчерашнее шоу. Удача, большая и зубастая, как рыба-меч... Все узнают Геню – некоторые покупатели решительно сворачивают с её пути, и прячут корзины – стесняются! Боятся хорошего вкуса. Расслабьтесь, сегодня я без камеры, думает Геня. Я здесь в частном порядке.

Решено: вяленые помидоры! Она паркует корзину рядом с такой же точно чужой, машинально заглядывает в неё – и видит там сон про двойника. Бекон, сливки, литовский пармезан, судак, тыква баттернат, шампиньоны... И... баночка вяленых помидоров – увы, последняя в «Сириусе». Та самая баночка, вокруг которой сложилось сегодняшнее гениальное меню – и теперь рассыпается на глазах, потеряв опору... Счастливая обладательница банки, гражданочка с очень короткими, но при этом пышными волосами (что само по себе не внушает доверия), равнодушно улыбнулась Гене и покатила свою корзину дальше.

...Я спряталась за стеллажом с маслом. Кстати, тыквенное масло! Отлично, берём. Бутылочка тихо звякнула о прутья корзины, воровка вяленых помидоров сделала отвлекающий внимание круг, а потом взяла с полки такую же точно бутылочку.

Заметно ниже меня, блондинка, и глаза очень светлые. Рот большой, как у рыбы-зубатки. Правда, рыбы столько не живут – на вид ей не меньше тридцати пяти. Тыквенное масло, ха! Она хоть знает, как с ним надо обращаться? Судя по всему, да – берёт с полки свежую рукколу. Если взять рукколу, добавить обжаренные кедровые орешки, сбрызнуть тыквенным маслом, будет нам сегодня и «М-м-м?», и «О-о-о...». А ещё я, пожалуй, сделаю сегодня каприйскую закуску в моей собственной версии: красные и жёлтые помидоры, базилик, адыгейский сыр и моденский уксус. Свежий адыгейский сыр ничем не хуже моцареллы, а остатки его я пушу на шахи панир – жаренный по-индийски сыр с пряностями... Обойдемся без вяленых помидоров.

Через полчаса мы с этой зубаткой столкнулись у кассы, её покупки уже ехали по ленте – и почти не отличались от моих. Я тоскливо проводила глазами баночку с помидорами. Неприятно... Но если рассуждать профессионально... вот бы залучить такую покупательницу в новое шоу! Я не успела даже додумать до конца эту мысль, как зубатка ловко сгребла свои пакеты и пропала из виду.

Глава вторая,

в которой Геня делает вид, что пишет книгу, а П.Н. – что будет ужинать с мамой

Если блюдо нужно готовить дольше двух часов, оно меня навряд ли заинтересует. Почти всё по-настоящему вкусное готовится быстро, но только из самых свежих продуктов! П.Н. шутит, что я прекрасно обхожусь без холодильника, как в старину: что купила на рынке, то и приготовила. И в Японии, кстати, меня поняли бы – там приличные хозяйки ходят за продуктами трижды в день! А нашу бедную Россию так долго и последовательно отучали есть, что теперь народ не выманишь из привычной безвкусицы, как из берлоги: многие по-

прежнему едят зимой пельмени, весной – винегрет, а летом – шашлык на фоне леса. Как сказал бы Жан-Поль Сартр, тошнота... Муж одной из моих поклонниц, когда она поставила перед ним прямоугольную (это важно!) тарелку с камбалой карри под мелким листопадом измельчённых фисташек, возопил: «А где картошка?!» К счастью, новая гастрономическая история России пишется в наши дни, и я пытаюсь участвовать в процессе. Не зря ведь народ в последнее время буквально помешался на еде: даже в книжных магазинах – всё сплошь о том, как есть, что есть, и почему – есть!

Но, дорогие мои читатели-телезрители, знали бы вы, как мало существует оригинальных рецептов! В большинстве случаев речь идёт о перепевах одних и тех же блюд. Ещё и поэтому мне бывает жаль раскрывать секреты, и я отлично понимаю венгра Добоша с его тортом – Добош даже на смертном одре утаил рецепт. Унёс торт в могилу. Я понимаю, но сама при этом работаю на телевидении, а стало быть, хранить тайны не могу – зритель не поймёт. Вот и приходится каждый раз наступать на горло собственным чувствам.

Утешиться можно лишь вот чем: даже если блюдо готовится из одних и тех же продуктов, по исходному рецепту, но разными поварами, конечный результат будет у каждого свой. На заре творческой жизни мы с П.Н. проводили такой эксперимент: пятеро участников готовили цыплят в вишнёвом соусе, используя базовый рецепт и строго выверенный набор продуктов. Трое сделали приблизительно схожие блюда, а вот у оставшейся пары получилось нечто совершенно особенное – я пробовала и не верила своим рецепторам. В нашем деле всё решают доли секунды, глазомер и чувство прекрасного.

...Бас П.Н. уже давно гремел в коридоре, когда дверь наконец распахнулась. Шеф радостно втолкнул в кабинет незнакомую девушку, с которой мы, впрочем, уже однажды виделись. При не самых приятных обстоятельствах. Зубатка протягивала мне руку и улыбалась, как принцесса Диана на встрече с простым пиплом.

– Геня, познакомься, – сказал П.Н. – Это Катя... Екатерина Парусова. Она будет вести у нас кое-какие проекты.

Зубатка, она же Катя, видите ли, Парусова улыбалась во все дёсны, изображая, что не помнит давешней встречи в «Сириусе» – такой бесславной для меня.

– Я давно смотрю все ваши программы, – сказала она, и ещё сильнее растянула губы в стороны (даже страшно стало: вдруг лопнут?).

Мне захотелось сказать, что для человека, давно смотрящего все мои программы, она не слишком-то наблюдательна, но я вовремя прикусила язык. Много чести для тебя, Катя Парусова.

– Мы на минутку, – вскочил с места П.Н., – я обещал познакомить Катю с народом. Показать, что тут у нас к чему.

Он понёсся к дверям, и Катя поспешила за ним следом, одарив меня на прощанье ещё одной «улыбкой Гуинплена».

Рабочее настроение они мне сбили окончательно. Впрочем, мне и до того, если честно, не очень-то писалось. Бывают такие дни, когда самое лучшее – не выжимать из себя лентя по капле, а взять да бросить то, что не получается. И честно забыть о работе хотя бы на несколько часов. Я закрыла файл с будущей книгой и отправилась привычным маршрутом – на сетевой форум канала «Есть!», где кучкуется стая моих самых преданных поклонников. Ах, как меня греют их трогательные признания: «Геня, я вас обожаю! Геня, вы открыли мне мир настоящей кухни... Геня, ваш последний рецепт – настоящий прорыв!»

Я машинально отвечаю поклонникам – и думаю: ну и пусть количество рецептов имеет свой предел, зато мы, русские, находимся в привилегированном положении по отношению к заевшимся иностранным гурманам. Уж слишком долго нас держали на пельменях и селёдке под шубой. Только сейчас мы начинаем познавать великую мировую кухню и понимаем, что...

...мы понимаем, что в кабинет опять влетел П.Н. На этот раз – один, если не считать мудрых мыслей, клубящихся вокруг него даже в самые деликатные моменты. (В материальном воплощении эти мысли стали бы бодрыми сорокалетними дамами, какие часто работают старшими менеджерами.)

П.Н. – Павел Николаевич Дворянцев, главный гурман и самый известный медиамагнат нашего города и прилегающей области. Человек, открывший Геню Гималаеву и сделавший её звездой, я извиняюсь, экрана (из штампа слов не выкинешь). Убеждённый – мамой, в далеком детстве, – холостяк. Мужчина, который становится всё краше с каждым годом, хотя, возможно, это у меня с

каждым годом всё ниже падает планка. П.Н. понравился мне в первую же секунду знакомства, когда он точно так же влетел в кафе, и его тогда ещё длинные волосы фамильярно трепал сквозняк... П.Н. давным-давно исполнилось сорок пять, но он так трогательно скрывает сей безрадостный факт, что ни у меня, ни у других сотрудников не хватает духу признаться, будто бы мы тоже об этом знаем. Мы все старательно делаем вид, что не замечаем ни морщин, ни седых волосков, коварно отсверкивающих в поредевшей шевелюре, ни брюшка, мило обрисованного тёмным джемпером... П.Н. хорошо улыбается, но довольно часто – и громко, как оглохший прапорщик! – орёт на провинившихся (эхо летит по этажам, и здание прижимает уши). Он часто ужинает вместе со мной, но на ночь не остаётся: П.Н., мой босс и вдохновитель, так и не стал моим любовником. Тем не менее, в трудовом коллективе лишь у меня одной имеется право говорить с П.Н. естественным тоном. – Я доволен, – сказал П.Н., и плюхнулся в кресло, скинув на пол мою сумочку. Правда, тут же извинился, поднял.

– Я доволен! – настойчиво повторил мой гость (он же – мой хозяин, если называть вещи своими именами). Судя по всему, он ждал ответной реплики.

– И чем именно ты доволен?

(Я говорю П.Н. «ты» и до сих пор не могу к этому привыкнуть.)

– Геня, ты бы видела её резюме – она училась в Лондоне, в Италии, работала в Каталонии... А какие рецепты! Я чуть картинки не сожрал!

Нет, он не издевался, мой П.Н.; просто, как и все прочие известные мне мужчины, не удосуживался взглянуть на ситуацию пристально, предпочитая планетарный масштаб. Вот сейчас он скажет: «В интересах канала...»

– В интересах канала, – не подвёл П.Н., – мы просто обязаны взять эту девочку! Для начала я отдам ей «Сириус-Шоу», а там посмотрим. Ну, Геня, друг мой, ты и так зашиваешься, тебе некогда творить по-настоящему – а помнишь, кое-кто ещё и книгу хотел написать?

– Я и так её пишу, – сказала я. – Уже вступление готово и полторы главы.

– Кстати, Катя тоже пишет книгу, – сообщил П.Н. – Ещё бы, молчать с таким опытом – грех.

(Нет, он всё же издевался.)

– Ужинаем в восемь?

П.Н. свернул губы розочкой – он всегда так делает, если ему что-то не нравится: соус, или рейтинг, или человек...

– Сегодня я обещал маме поужинать дома.

Дома? С мамой?! Берта Петровна – милейшая старушка, но вот готовить она, по её же собственному признанию, за всю свою долгую жизнь так и не научилась. Ах, как нахваливала Берта Петровна мой форшмак... Как она плакала в телефонную трубку и благодарила, что я вернула её в далёкое одесское детство... «Кстати, Геничка, смогли бы вы сделать для меня при случае буквально баночку икры из синеньких?»

Нет, Берта Петровна здесь ни при чём. Под кодовой кличкой «мама» действует другая особа.

П.Н., повторяю, мой босс и главный дегустатор, но он мне не любовник и не муж. Стало быть, волен ужинать где и с кем угодно, а все мои планы и покупки не имеют никакого значения.

Вдруг я ощутила сильную усталость: мне не хотелось его уговаривать, даже не хотелось готовить! П.Н. буркнул что-то ободряюще-прощальное и закрыл за собой дверь.

...Я родилась в начале семидесятых, когда в продуктовых магазинах царило запустение: витрины украшали пирамиды гнусных консервных банок с несъедобным содержимым, сгущёнку и тушёнку изредка давали по карточкам, эвфемистично названным талонами, а в молочный магазин задолго до рассвета выстраивалась драконоподобная очередь. Родители мои относились к еде по-спартански: «Когда мне хочется есть, я просто кидаю в себя что-нибудь, и привет», – говорил отец. Другое дело – чай с сигаретами, по этой части и мама, и папочка были – и остаются! – выдающимися специалистами. Сожалели, наверное, что ребёнок был не в состоянии оценить прелестную простоту такого рациона.

Мама, подозреваю, в молодости неплохо готовила, но с годами её талант усох до навыка стремительного («ай, да отвяжитесь!») приготовления двух-трёх фирменных блюд. Почти всё то же самое готовилось в домах моих подруг, соседей и большей части населения СССР: «фирменное» мясо «по-французски», запечённое в духовке с сыром, «фирменный» винегрет и «фирменный» яблочный пирог «шарлотка». Папа порою вспоминал о молочных киселях и морковных пирогах своей бабушки, но делал это всегда спокойно, без экзальтации. Он вообще никогда не жаловался ни на жизнь, ни на своих спутников в этой жизни – почти все они, включая маму, были инженерами, и до сравнительно недавнего переезда в старообрядческую деревню Пенчурка папа вообще не судил людей и не лез к ним с проповедями.

Но всё же мама лет десять подряд выписывала журнал «Работница», где из номера в номер мелким красивым шрифтом печатались рецепты хитроумных блюд, выдуманных изобретательными работницами из Москвы и работницами из Свердловска, работницами из неведомого мне Комсомольска-на-Амуре и прочих мифических городов... Я читала эти рецепты, как стихи, – и заучивала наизусть, будто бы знала, как они мне однажды пригодятся: торт «в клеточку» (от инженера, как сейчас помню, технолога Е.Демаковой), облепиха в сахаре от кулинара И.Грушевского... Где вы сейчас, И.Грушевский и Е.Демакова?..

Две случайно поселившихся в доме кулинарные книги – «Домашнее приготовление тортов, пирожных, пряников, пирогов» и «Книга о вкусной и здоровой пище» – следовали в моем личном хит-параде сразу же за «Мушкетерами» и «Холмсом». Но по-настоящему хорошо в моём детстве готовили лишь два человека – далёкий узбекский гость дядя Рустам и моя родная бабушка Ксения Петровна, ба Ксеня.

Дядя Рустам приезжал к нам в гости каждый год – и в первый же день отправлялся на базар за бараниной (тоненький длинный рис, жёлтая морковь и зира прибывали вместе с ним из Узбекистана). Родители заранее созывали гостей «на плов», дядя Рустам закрывался на кухне, молился и только потом начинал священнодействовать – всегда в одиночестве. Лишь однажды он позвал на кухню... меня. Сейчас, взрослым умом, я понимаю, что дядя Рустам хотел передать мне – единственному человеку в нашем доме, питавшему искренний интерес к недуховной пище, – бесценный секрет приготовления настоящего узбекского «палова», но тогда, дурочка, я растерялась и отговорила. Мне не хотелось в самом деле учиться готовить плов: намного интереснее было читать рецепты и воображать, как из-под моих рук рождаются – сами по себе –

прекрасные съедобные шедевры.

Дядя Рустам давным-давно не приезжает, никто не научил меня пловоделию, и я всю жизнь об этом жалею... И помню тот великий и славный момент, когда готовый плов вносится в комнату, как знамя победившего полка. Междометия гостей со всех волостей – самые сообразительные успевают нагрузить свои тарелки распаренными чалмами душистого чеснока, которого на всех не хватает, и аромат плова летит по квартире, как гонец с прекрасным известием... Большинство моих нынешних знакомых – даже в нашей, кулинарной среде – готовят вместо плова рисовую кашу с мясом. До сих пор не могу простить себе (точнее, той девочке, которой я была когда-то, – у нас с ней нынче так мало общего, что я не могу всерьёз считать её собой), что не стала учиться тайнам узбекской кухни.

Вот почему рецепты ба Ксени – будучи старше – я уже старалась записывать. И самым первым стал бабушкин рецепт блинов – тоненьких и очень больших, таких я больше ни у кого никогда не видела. Эти блины – мой главный козырь в мучных состязаниях, которые у нас регулярно устраивают на Масленицу. Вообще, соревнования, объединённые темой «А вот кто у нас здесь вкуснее всех готовит?», простегали нашу жизнь слева направо и с ног до головы – красной нитью. Первое условие для всех, кто пожелает вдруг устроиться к нам на работу, – это уметь готовить, и готовить вкусно! У нас даже компьютерщики способны накормить десять человек одной рыбой, а какие пончики жарит главный бухгалтер!.. Единственный человек, не прикасающийся к продуктам и навеки застолбивший себе место «по ту сторону тарелки», – наш главный едок и директор П.Н...

...Ба Ксения всегда говорила мне: «Женечка, готовить нужно с любовью». Она единолично властвовала на кухне, и всегда очень нежно прикасалась к продуктам. Эта ненаигранная нежность встречается лишь у самых лучших поваров. Ба Ксения так ласково бралась за какую-нибудь тривиальную картошку, что картошка не имела морального права ответить ей иначе.

А мои первые кулинарные опыты – это килограммы варварски загубленных продуктов, чёрные дыры сгоревших сковородок и слава неумелой поварихи, которая носилась за мной, как бык с репейником в заднице за ковбоем на родео. Опытные хозяйки от души веселились над моими юношескими экспериментами, но вот мой день настал, уж пробил час, и где теперь все эти хозяйки? Да вот они, родимые, сидят у экранов и, сочась тоской (пополам с самой жгучей, что

твоя аджика, завистью), записывают на полях газеты рецепты «Гениальной Кухни».

– Геня, ты домой-то собираешься? – уборщица Светлана Аркадьевна (второе место в прошлогоднем состязании пельменщиков) вплыла бесшумно, как тень какого-нибудь отца Гамлета. Обняла швабру, будто берёзу, и вперилась в звезду эфира умильным взором. Светлана Аркадьевна – как и другие мои поклонники – даже не догадывалась о том, что звезде эфира сегодня некому светить. Она, звезда эфира, уныло доползёт до пустого дома, отправит в духовку кусок судака с козьим сыром и сухарями, а потом равнодушно проглотит ужин в одиночестве, не заметив ни вкуса еды, ни цвета, ни запаха.

Глава третья,

из которой читатель сможет узнать множество подробностей о славном прошлом Гени Гималаевой и убедиться в том, что она абсолютно верно поступила, порвав с этим славным прошлым. Также читателю открываются некоторые личные странности ведущей «Гениальной Кухни», а кроме того, здесь впервые – и пока совсем ненадолго – появляются Иран, Ирак и популярный британский повар

Жизнь склеена из множества кадров. Почти каждое свое движение я отслеживаю, как подобает профессионалу: с подсветкой и озвучкой. Столько лет на телевидении... спасибо, врач не нужен!

Кадр первый. Геня Гималаева. Короткое пальто и берет придают облику героини лёгкий французский акцент. Геня – не то чтобы молодая, но уж точно, что не старая – закрепились ровно посередине между эпитетами «худая» и «фигуристая». Несомненная брюнетка. Идеальные брови. Та самая Геня Гималаева, которую вы можете лицезреть в ежедневном режиме на кулинарном телеканале «Есть!», открывает входную дверь и вздыхает, набрав полную грудь родного воздуха. Горечь свежесмолотого кофе и сладкий ладан книжной пыли. Как же она любит свой дом!

Кадр второй. Кстати, о кадрах.

Гене пришлось помучиться с оператором, прежде чем он выучился правилам бережного обращения с её лицом. Оператор ещё важнее косметолога, это потенциальный киллер, способный нейтрализовать любые попытки выглядеть моложе и лучше (кажется, была?..) единственным метким движением камеры. (Контрольный выстрел в Генином случае – съёмка лица снизу.)

Мой Славочка, к счастью, лишён лицензии на убийство – я никогда не поменяю оператора.

И ещё о кадрах.

Ира Калугина и Ира Николаева, Ира К. и Ира Н., которых с моей нелёгкой руки у нас все зовут просто Ирак и Иран. Две мои главные жизненные подпорки, редакторы, подруги, непромокаемые жилетки и надёжные плечи. Без них не взойдёт солнце, и не будет нового дня. На самом деле я и без Ирак с Иран спокойно обошлась бы, но тогда мне пришлось бы выполнять кучу неприятных скучных дел: искать героев программы, записываться на коррекцию ногтей, собирать отзывы о новых проектах...

Ирак родом из Дагестана. (Калугина она по мужу – теперь уже бывшему.) Она легко пускает слезу и с такой же лёгкостью её высушивает, принимаясь за повседневный телевизионный труд. Ирак будит меня по утрам телефонным звонком и, полусонной, рассказывает о том, что ждёт нас в сегодняшнем дне, а кофе, который она варит, заслужил похвалу самого П.Н. Этот кофе – моё ежедневное топливо. Самое нелюбимое время в году для Ирак – это отпуск, в который я её буквально выпинаваю – ведь кадры надо беречь. Увы, Ирак одинока: за исключением работы, ей не удалось обзавестись в жизни ни одной стойкой привязанностью.

Ира Николаева, Иран – совсем другая страна... Мама Иран – моя давняя и преданная поклонница, сама же Иран пришла к нам всего лишь три года назад – не могу поверить в то, что канал «Есть!» (и отдельно взятая телеведущая) могли когда-то без неё обходиться! Перетруждаться, впрочем, не в её привычках – напротив, Иран умело выпрашивает у меня дополнительные дни отгулов и ловко пристёгивает выходные дни к очередному отпуску. С собой она не хороша, ноги и руки у неё широкие, как ласты, – зато голос! Земляничное мороженое! Все

сложные телефонные переговоры у нас ведёт Иран – ей никто не может отказать. Еще Иран вегетарианка, притом затейливая. Против мяса убитых животных она чисто теоретически не имеет ничего против, но утверждает: для того чтобы вырастить одну-единственную корову, человечеству придется тратить уйму денег на корм и пастбище. А значит, коровы (свиньи, бараны и прочая скотина) – непозволительная роскошь для человечества, и на всех коров не хватит в любом случае. Вот почему Иран добровольно отказалась от своей доли в мировом животном наследии, предпочитая... объедать этих самых коров, употребляя исключительно растительную пищу. По части блюд индийской кухни Иран нет равных – у неё получается такой сочный шахи панир, какого вам и в Агре не сготовят.

Между собой Иран и Ирак не то чтобы дружат, но вполне гармонично сочетаются в рабочем пространстве, образуя идеальный творческий фон. А чего ещё можно требовать от кадров?..

И вот он, кадр второй.

Геня Гималаева вносит в кухню продукты и отработанными движениями распределяет их по шкафчикам, холодильникам и полочкам. Домашняя кухня Гени – шедевр дизайнерской мысли, созданный, кстати сказать, без участия единого дизайнера. Всё по-настоящему важное я стараюсь делать самостоятельно – лишь так можно угодить себе и сохранить хорошие отношения с окружающими. И не врать потом, что тебе на самом деле нравится реализованный проект какого-нибудь Васи с архитектурным дипломом: когда в доме снесли все стены или объединили кухню с гостевым санузлом...

Кадр третий. В кухне появляется кошка Гени Гималаевой по кличке Шарлеманя. Крупный план Шарлемани. Вот кого не сможет изуродовать дурной ракурс – Шарлеманя прекрасна в любое время года и суток: она жемчужно-серой масти, с чёрной буквой «М» на лбу, а хвост у неё распушается так, что павлин от зависти сдохнет. Шарлеманя подходит к пустым пакетам и проводит ревизию, явно одобряя задержавшиеся в кухне запахи судака и сыра. Утончённый вкус моей кошки – тема для отдельной книги, которую я тоже однажды напишу.

По-моему, хотя бы одну книгу в своей жизни обязан написать каждый. Даже самое скромное бытие всегда выигрывает у литературы. Читать невыдуманный очерк живой жизни намного интереснее, чем погружаться в заводь писательской фантазии – как правило, до самого дна отравленную желанием

разбогатеть, прославиться и при этом – не изменив себе! – вытащить наружу все свои страхи, страсти и комплексы. Жаль, что обычные люди (не писатели) крайне редко решаются на подобный эксперимент, и, в общем, я их понимаю – зачем писать роман, если и так в нём живёшь?..

Я-то, впрочем, раньше всерьёз писала книги – задолго до того, как обнаружила себя на кухне. Я даже подавала надежды (на подносах и блюдах с каемками) – критикам, читателям, своим родителям, и эти надежды вместе с книгами стоят теперь на самой высокой полке в гостиной корешками к стенке. Мне совсем не хочется на них смотреть, но по законам жанра камера движется именно в эту сторону. Затемнение.

Кадр четвертый. Зритель переносится в давнее прошлое Гени Гималаевой, которую тогда ещё звали Женей Ермолаевой. На экране светится внутренним счастьем румяное существо в джинсовом жилетике. Это я. Сосед по кадру – Этот Человек. Сейчас я мысленно называю его иначе – Тот Человек, потому что мы не виделись ровно столько времени, сколько требуется для превращения Этого в Того.

Именно Тот Человек первым заметил, что я слишком часто играю – даже если на меня никто не смотрит. Тот Человек не верил, что можно тщательно накрывать стол для одинокого обеда – пока не встретился со мной.

Замечание для режиссёра: можно не описывать нашу первую встречу, зритель сможет сам быстренько придумать что-нибудь подходящее случаю. Достаточно сказать, что после знакомства с Тем Человеком я написала подряд четыре книги – а после нашего расставания навсегда оставила это занятие. Бросила как вредную привычку. И сейчас не понимаю, зачем было тратить такой громадный жизненный кусок на сочинительство. У меня ведь не было ни тщеславия, ни каменного зада, а самое главное – не было большого таланта, и всё написанное мной почти сразу же переставало устраивать даже меня саму. Ну вот как если бы я готовила утку, а она бы вдруг безбожно обгорела. Я что, стала бы совать эту утку гостям? Под покровом ночи я горестно вынесла бы сгоревшую жертву моей бездарности на помойку, стараясь не смотреть, как от неё с негодующим видом разбегаются в стороны голодные собаки... Литературное творчество здесь как две капли походит на кулинарное: если роман не пропёкся или подгорел, получился невкусным и пресным, то надо избавиться от последствий, поставив книжку корешком к стене. У меня таких книжек, увы, целая полка. Ни одна из них мне по-настоящему не нравится, и я не хочу, чтобы кто-нибудь вдруг снова

начал звать меня писателем.

(Но книжки свои всё-таки не выкидываю, как сделала бы с горелой уткой.)

Что касается Того Человека, то он считал меня именно писателем – прочее интересовало его значительно меньше. Отлично помню, как вечерами читала Тому Человеку написанные за день страницы. Как переставляла по ковру бокал с красным вином. Как на ковре оставались круглые следы от бокала.

Странно: я забыла практически всех людей из своей прошлой жизни – за исключением Того Человека. Помню его длинные – слишком длинные для немусыканта – пальцы. Помню, как он смотрел на меня – словно бы пытался прочесть, как книгу. Помню, что не разрешала ему перелистнуть первую страницу, а потом вдруг раскрылась так, что книга бы хрустнула пополам... И не успела понять, что произошло, как он уже дочитал всё до конца, хлопнул ладонью по переплёту и поставил меня обратно на полку. А сам, разумеется, отправился за другой книгой – новенькой, в суперобложке. Белая бумага, пружина сюжета... Свежий, незахвачанный корешок, а на моём остались следы прекрасных длинных пальцев.

После этого я долго не могла ни писать книг, ни читать их. Честно сказать, мне вначале даже жить расхотелось, но это, к счастью, прошло. Перетопталось, как выражается мой косметолог Вовочка. Но я и сейчас стараюсь не заходить без нужды в книжные магазины – боюсь встретиться нос к носу со своими сочинениями и вспомнить те следы на корешках.

Спасла меня тогда кухня. И Доктор Время, и ещё один доктор – прекрасный Дориан Грей, но вначале была кухня.

С Тем Человеком мы редко ели вместе. Не знаю почему, но он всячески избегал совместных приёмов пищи, и даже когда я пыталась угостить его обедом, отказывался. Он утверждал, что находится на одном лишь духовном вскармливании, но при этом регулярно жаловался на свою жену – малюсенькую, как лилипутка, но с неожиданно резким, тяжёлым голосом (такой мог запросто уложить её на спину, как жука), – что та совсем не умеет готовить. Так сочетались в Том Человеке вечный голод и страх проявить аппетит.

Прекрасный доктор Дориан Грей, к которому я хожу последние восемь лет, и у которого точно припрятан где-то заветный портрет, объяснил мне, что Тот Человек боялся разрушить свой хрустальный образ, и потому никогда не ел со мной, не покидал меня ради туалетных насущных нужд, и не позволял себе недостойных физиологических проявлений (я даже представить себе не могу, чтобы он чавкнул или, к примеру, пукнул), – иначе образ с хрустальным звоном разбился бы. Впрочем, он так и так не устоял. Можно было и пукнуть разок.

...А я довольно часто напоминаю своим зрителям, что ужинать вместе для влюблённых так же важно, как вместе спать.

Кадр... двенадцатый?

Геня Гималаева отправляет судака в духовку и садится к столу, горемычно подперев ладонью подбородок. На Гене фартук с надписью «Genia – regina della cucina», подаренный знакомым поваром-итальянцем, но вспоминает она не этого развесёлого повара, а былых друзей-писателей, которые начали публиковаться одновременно с ней, но сейчас унеслись на крыльях таланта кто в могилу, кто в столичный бомонд, кто в бытовое пьянство.

О, этот дивный мир творцов: писателей, поэтов, драматургов! Как приятно бывает зайти в книжную лавку и увидеть там известную писательницу: вот она, ловко заталкивает толстый том своей соперницы на задние ряды, подальше от бестселлеров! Как трудно бывает признать чужой талант, и – наивысший пилотаж! – признать, что у тебя самой его нет, и, кажется, никогда не было. Мама, школьная учительница и душевный редактор из города Санкт-Петербурга: все они пали жертвами своих же собственных заблуждений. Но я вас никогда не забуду.

...Писатель может смотреть на свои книги, как на приготовленные блюда, а может – как на рождённых детей. Лучшие из писателей видят вместо книг младенцев. А я – тарелки с пищей. Метафоры терроризируют меня даже сейчас, но одержимость метафорами – недостаточное оправдание творчества. Для настоящей литературы нужно что-то ещё. Что-то главное.

Финальные кадры – Геня Гималаева сгружает тарелку с вилок в посудомоечную машину, снимает аппенинский фартук и уходит со своей прекрасной кухни в спальню – не менее прекрасную. Там наша героиня пытается читать книгу,

которую ей преподнёс П.Н. по случаю очередного рейтингового взлёта программы «Гениальная Кухня». Это книга остроумного британского кулинара, не заикленного на правильном обращении с продуктами. Рецепты бодрят и вдохновляют. В Гениных грёзах воцаряются сочная красная оленина и мучительно горький шоколад, и эта оленина под шоколадным соусом снится ей до самого утра.

Глава четвёртая,

в которой читателю наконец представится возможность выслушать другую сторону: узнать, почему Катя Парусова решила стать Екой Парусинской, какую роль сыграла в этом одна популярная телеведущая, а также выяснить, как далеко способны зайти девушки, сомневающиеся в том, что жизнь – это сон, который снится всем одновременно

Как там говорится – «не судите»?..

Любой суд пристрастен, да вот хотя бы суд Париса! Нам так никто и не рассказал за минувшие века, что же сделала Венера с вождленным золотым яблоком, во имя которого полегло столько «мужей прекрасных и сильных»? Как она им распорядилась? Повесила на стену собственного храма? Подарила Амуру? Или хвасталась перед Юноной с Минервой-стервой?

Любой суд пристрастен, но Катя Парусова держала эту пристрастность на самом коротком поводке. Строгий ошейник, кляп в зубы, перо под ребро. Сама так заплыла однажды – ни один суд не устоял бы перед соблазном вкатить по полной.

Катя Парусова – подобно уже знакомой нам телеведущей – тоже любила мыслить кадрами, но не телевизионными, а, скорее, кинематографическими. Вот сейчас, например, действие переносится ровно на десять лет назад. Двадцативосьмилетняя Екатерина Игоревна Парусова, преподаватель латинского языка, доцент кафедры тра-ля-ля, принимает зачёт у первого курса.

Днём раньше (чёрная отбивка) Екатерина Игоревна впервые услышала за спиной «бесшумные шаги старости». Это потом она бабахает громко, как чужие фейерверки, а поначалу подбирается мягкими лапами. Как и в любой жизни, первые строки читались медленно и долго, начальные годы были бесконечными и доверху набитыми событиями, а потом – шу-у-ух, летят страницы. Конец. Кто читал – молодец. Тираж – 1 экземпляр, замечания можете присылать по адресу... здесь всегда неразборчиво.

Мама говорила, что молодость заканчивается в тот день, когда солдаты на улице покажутся не мужчинами, а детьми.

И Катя, девочка «с языками», как говорили о ней знакомые подруг и подруги знакомых, взяла вдруг и превратилась в тётю-преподавателя, вершащую над студентами быстрый суд Париса. Она так часто имеет дело с латынью, что и в жизни порой начинает думать гекзаметром: «Катя, женщина прекрасная и мудрая, в университет утром приходит и пальто своё на кафедре оставляет. Студенты Катю приветствуют, Екатериной Игоревной называют. Катя в аудитории появляется и экзамен у молодых принимает...»

«De causa belli Troiani». «О причине Троянской войны». Катя сидит за расшатанным столиком в давно не ведавшей ремонта аудитории. Студенты готовятся к бою – к Троянской войне. Вот Парис – нежный блондин Сеня Абдулкин, уверенный в своих познаниях и готовый метнуть их в лицо экзаменаторше, как яблоко – в Венеру. Вот Елена – Стася Морская (это фамилия, а не прозвище), дева тонкая, как грифель (Катя смотрит под стол и видит свои крепкие – ненавистные! – лыжные ноги, набеганные за долгие годы тренировок в ДЮСШ). Вот Гекуба – Марина Мартынова. Что он Гекубе, что ему Гекуба? Марина толста, несвежа лицом, но, как водится в таких случаях, умная и старательная студентка. Помнится, сразу же разобралась с третьим склонением.

Первокурсники – что те самые солдаты – кажутся Екатерине Игоревне детьми. Она находит среди этих детей сумрачного Агамемнона, разозлённого Менелая, сурового, сдержанного Гектора – Гектор, кстати, отправился отвечать первым. Прелестный еврейский мальчик Костя Фидельман. Ни одной ошибки. Qualis vir, talis oratio. Катя тоненько расписывается в зачётке. К столу приближается Парис. Елена... Менелай... В группе всё меньше героев, всё больше воздуха, и вот уже последний из греков высаживается из разбухшего конского чрева. Антон Курбатов, прекрасный, как Ахиллес, и глупый, как Мидас. Садится напротив Екатерины Игоревны и начинает колченогое чтение с бездарным переводом. Не

успел списать, не выучил, не готов. Латинские слова – в обычное время холодные, тяжёлые, как сталь, – плавятся в Катиной голове, но она не замечает ошибок. Она ловит дыхание Ахиллеса, смотрит на его красиво задуманные брови, хочет провести по его щеке кончиком пальца – и тут же наказывает себя, впиваясь ногтями в тот самый палец-искуситель. Как там советовали? Вырвать глаз, который тебя искушает? Или отрубить руку? Нет, Екатерина Игоревна, руку отрубали ворами – в восточных сказках. А у нас – не восточная сказка, у нас – экзамен, ну хорошо, не экзамен – зачёт! Вы же, Екатерина Игоревна, как воровка – заритесь на плечи, развёрнутые, словно у певца-пловца... Вырвите себе глаз, Екатерина Игоревна!

– Зачёт, – говорит Екатерина Игоревна и с трудом удерживается, чтобы не погладить по голове студента прекрасного и юного. Он чуть-слегка-едва прихрамывает – у каждого Ахиллеса есть собственная причина беречь ноги. Стася Морская радостным взвизгом за дверь его встречает. В нарушение античного сюжета.

Екатерина Игоревна ведомость аккуратно складывает и в деканат её относит. Вместе с заявлением об уходе. Ровно две недели её уговаривали, ещё две – искали замену, и, наконец, уволили. Через месяц Катя (снова – Катя!) уже была в Москве, на литературных курсах.

Почему литература? Потому что старости не поспеть за писателями – им на неё плевать из форточки. Писатель имеет право быть возмутительно старым, а главное, он не обязан ежедневно видеть перед собой молодых красавиц Елен и эффектно прихрамывающих Ахиллов. Так думала Катя Парусова, подписывая свой первый рассказ псевдонимом Ека Парусинская. Впоследствии злые языки утверждали, будто бы имя ей придумали люди, у которых она украла свои лучшие рецепты. Неправда – это имя принесли с собой ветер и жертва Ифигении. И корабли греков отплыли наконец в Троию. И с латынью было кончено навсегда.

Лишь однажды Ека Парусинская видела впоследствии своего Ахилла – годы спустя он снова сидел перед ней в аудитории. На этот раз – телевизионной аудитории «Ека-Шоу»: он был в первом ряду, пальцем указывая беременной жене на ведущую, и скалился в том смысле, что, помнишь, Алёша, дороги Смоленщины? Ека узнала его только в самом финале – в начале вся аудитория была для неё как большое яркое пятно.

Но до того дня ещё надо было дожить. И – дожать.

«Меня – нет, – думала Катя. – Настоящей меня не было и нет. Я составлена из кусочков, украденных у других людей и скреплённых талантом к подражанию. Вначале я мечтала стать учёным, потом захотела писать книги... С книгами тоже ничего не вышло».

После рецензии литературного санитаря – ядовитого, как рыба фугу, – Катя поняла, что в литературе её нет точно так же, как её вообще нигде нет. Можно было и не стремиться попасть в «толстый журнал» с рассказом...

...Катя Парусова плывёт по запруженной людьми Москве, как утлая лодочка. Скукоженный парус. Пробоины в днище. Единственный матрос загулял в кабаке и не вышел в море. Катя тоже не вышла – замуж. Ей трижды гадали, и каждый раз выходило, что Катя рано умрёт. Одесская цыганка обещала в тридцать три года. Уральская бабка подарила тридцать пять. Московская экстрасенша накинула ещё два годика. В любом случае, заводить семью до сорока было бы безответственно. Так решила Катя. Тогда ей было двадцать девять, она шла по безымянной московской улице, а латинские слова летели рядом. Крылатые выражения – обгоняли и махали крыльями.

Катя вспоминала слова из санитарной рецензии на её рассказ, опубликованный в «толстом журнале»: «Вполне возможно, Е.Парусова – хороший человек, но сие, увы, не означает, что она при этом писатель».

Писатель имеет право быть любым человеком. Хороший писатель – не всегда хороший человек, а хороший человек – совершенно не обязательно хороший писатель. Талант может достаться отпетой сволочи и записному цинику, его будут читать и ругать, ругать и... читать, а чистому душой графоману, доброй и светлой бездарности, лишённому способностей добряку поставят на лоб жирный штамп: «Профессионально непригоден». Добрый? Иди служить в детский дом, помогай сирым и убогим, но только не лезь в писатели, ведь легче верблюду пройти сквозь игольное ушко...

Ещё одна цитата из санитарно-гигиенической рецензии: «Рассказ Е.Парусовой – прекрасный пример того, как не надо писать». *Arena sine calce.*

«Нет, не надо мне больше пытаться, – думает Катя. – Этот санитар леса, то есть литературы, он же известный критик, а что сам не состоялся ни в прозе, ни в жизни, – так это неважно! Мне нельзя писать, от моих рассказов людям никак. Потому что меня – нет. А значит, Карфаген должен быть разрушен».

Была и другая рецензия. Лицо её сочинительницы – белёсой щепки с острыми, как стекольные осколки, глазами – Катя совсем недавно видела в газете, вполне символически брошенной в урну. Вначале Катя собиралась вытащить газету, но потом побрезговала, и прочла лишь ту часть интервью со щепкой, которая была видна. Прочла, склонившись над урной, – оттуда сочинительница хвалилась своими произведениями и цитировала незнакомых Кате людей: они уверенно обещали щепке скорую славу лучшего писателя России.

Катин рассказ будущая слава России распинала в своей рецензии, как хулиган – беззащитного щенка, привязанного к дереву. Такого щенка маленькая Катя пыталась выходить в детстве, но он всё равно умер. Да и рассказ, можно сказать, тоже скончался: не вынес побоев.

«Языка у Парусовой, конечно, не отнимешь, – сетовала щепка в последнем абзаце, – но этого мало для того, чтобы речь могла идти о настоящей прозе». Катя поёжилась – представила, как щепка отнимает у неё язык.

И так – пусть с языком (и даже с языками, как говорили знакомые подруг и подруги знакомых), но уже без всяких героических планов – Ека Парусинская вернулась в родной город, оставив в Москве диплом об успешном окончании литературных курсов. Научить писательскому ремеслу невозможно: этот дар или выдают сразу, или забывают вложить при рождении. Так Еке однажды забыли вложить шоколадку в новогодний мешочек, и она ушла с той ёлки самым несчастным в мире ребёнком.

Вечером своего возвращения Ека включила телевизор и не выключала его две недели подряд – только ночью волшебный ящик отдыхал. Ека просыпалась рано и смотрела всё подряд. Она гадала на телевизоре, как её прабабка в старину – на книгах. Прабабка открывала наугад страницу и читала случайные строки с трепещущим сердцем, а Ека включала разные программы, не глядя на пульт. И примеряла к себе разные профессии вместе со спецодеждой и аргю.

Представляла, как поёт на сцене, демонстрируя всей стране свои пломбы. Как играет в теннис, оргастически вскрикивая во время подачи. Как беззастенчиво стендапится на фоне Стены Плача. Как оглашает новости, надевая скорбное

лицо.

Новости, которые попадались Еке, всегда были плохими, а все телевизионные люди были чем-то похожи друг на друга – будто бы их спустили с одного конвейера. Будто бы некий телебог создал talking heads по своему образу и подобию.

Я тоже так смогу, поняла Ека, случайным подбором кнопок вызвав из вечерней пустоты кулинарное шоу «Гениальная Кухня».

Кулинарное шоу, гастрономическая программа, дорогая передача – все они делаются по одним и тем же законам-канонам-шаблонам. Вот въедливая вежливость в адрес условно именитого посетителя. Вот неумолчный гимн кетчупам, майонезам и прочим химическим приправам, способным на корню изничтожить даже самую светлую кулинарную идею. Вот вам и ведущая – чёрные волосы, блестящий рот: «Разрешите пожать ваши талантливые руки!» Это она льстит гостю – итальянскому повару, что сдуру подписал контракт с далёким российским рестораном и теперь вынужден терпеливо обучать домохозяйек готовить пасту с лисичками. И тирамису.

...Как вам нравятся эти алые ногти, что впиваются в беззащитно-нежное тесто?.. Эти актёрки-неудачницы, всеми позабытые певцы и третьесортные писатели, которые делятся рецептами со всей страной? Звёздные поединки, кухонные посиделки и прочие реалити-шоу, вытряхивающие на голову телезрителям ворохи чужого мусора, охотно вынесенного из дому?.. П.Н., о существовании которого Ека Парусинская пока ещё даже и не догадывалась, в момент зарождения подобных – крамольных! – разговоров, делает нарочито дружелюбное лицо и протягивает наглецу – ибо тот, кто замахнулся на святое, тот наглец! – телевизионную «лентяйку». Волобуев, вот вам пульт! Зачем же ещё он, спрашивается, нужен, если не для самостоятельного переключения каналов – и коли у вас имеется дистанционная «лентяйка», почему же вы смотрите ненавистное шоу? Ась? На канале «Культура», к примеру, именно сейчас дают макароны! Пока ещё неведомый Еке, П.Н. загорается свекольным огнём, вырывает пульт из руки наглеца и швыряет его о стену. Ба-а-ах! – неистовствуют музыканты канала «Культура». Жалкие электронные потроха и батарейки, как снаряды, летят по комнате, а наглец – духовный плебей! – жалобно ползёт к выходу. П.Н. может убить за телевидение, но Ека этого пока что не знает, и думает о кулинарных шоу в свободной форме.

Ека – словно итальянский кинобухгалтер Фантоцци – переключает каналы в поисках своей новой судьбы, и однажды впивается взглядом в Геню Гималаеву, звезду экрана, автора программы «Гениальная Кухня» и обладательницу всех телевизионных наград, которые успели придумать в России. Готовить Ека совсем не умеет.

– Не страшно, если вы не умеете готовить, – утешает её с экрана Геня Гималаева. – Это так просто! Я вас обязательно научу.

Геня улыбается. А Катилина – у ворот.

Глава пятая,

где самым подробнейшим образом рассказывается о том, какие опасности подстерегают людей, связавших свою судьбу с телевидением. Здесь Геня будет вспоминать далёкие дни и рассуждать о таком старомодном понятии, как интеллигентность, П.Н. потеряет аппетит, а Ека начнёт карабкаться по первым ступеням карьерной лестницы

Меня, наверное, уже тысячу раз выручало важное жизненное правило – оно же «закон первой ночи». К феодальному праву, сразу скажу, закон этот никакого отношения не имеет – тут дело в другом. Когда у вас в жизни случается нечто в самом деле неприятное, надо направить все свои силы на то, чтобы дожить до утра и не наделать за это время глупостей. Нужно пережить первую, самую трудную ночь, а потом – как в песне – «станет легче к утру».

Но на сей раз волшебное правило не сработало. Может, потому что я отвратительно спала, ворочаясь и вспоминая вчерашнее, а также без конца проверяла телефон и даже залезла глубокой ночью в интернет, чтобы найти как можно больше сведений про Екатерину Парусову? На первых страничках ничего интересного не было – Яндекс расщедрился только на чемпионку по бальным танцам среди юношества Ларису Парусову и владелицу собачьего клуба Парусову Яну; потом он гнал вообще откровенный бред о парусах и Екатерине II. Я с трудом заснула под утро, и если бы не вопли Шарлемани, откровенно

возмущённой тем, как хозяйка манкирует своими обязанностями, то наверняка проспала бы работу. Звонка Иран я почему-то не услышала, а в кухне даже утром всё ещё пахло рыбой. Забыла включить вытяжку.

Когда я говорю в начале каждой программы, что обязательно научу своих телезрителей готовить, то на самом деле думаю: «Зачем мне это нужно»? Мой рецепт – моё открытие, и с какой стати я должна делать его достоянием ленивых и бездарных людей, у которых хватает сил только на то, чтобы включить телевизор в тот день и час, когда начинается моя программа?

...Я многое могу рассказать о продуктах и специях. Даже в голодайские советские годы (о которых, впрочем, лучше забыть – если желаешь выглядеть моложе истинных лет, не стоит упоминать о том, что успела побывать не только октябрёнком, но даже – позорище – комсомолкой) – даже тогда я примечала у продуктов множество чудесных, особенных свойств, которые порой мешают относиться к ним как к продуктам. Мне тяжело смотреть, как люди бездуховно лопают какой-нибудь всесторонне прекрасный, ало-розовый помидор – пусть даже в неумелых руках этот помидор будет выглядеть куда менее убедительно, нежели в первозданном виде. Настоящий повар, кстати сказать, не мучается такими размышлениями, а радуется отборному продукту, угодившему к нему на кухню. Но я и не считаю себя настоящим поваром.

В детстве у меня был единственный знакомый кулинар – старшая сестра моей подруги. Студентка архитектурного института и подлинный художник кухни. Сейчас эта Света рисует мультфильмы где-то в Европе, а тогда она каждый день без перерывов и выходных готовила для своего семейства весьма изощрённые – по тем временам – блюда.

Ленка, моя школьная подруга – крошечная брюнеточка с вечно красными руками, всякий раз торжествуя, как прописанный школьным курсом литературы крестьянин, приподнимала крышку кастрюли. Глубокий колокольный «бом-м»: суп с клёцками. «Звяк» гусятницы: зажаренная до шоколадного цвета курица и к ней соус в кувшинчике – томатный сок с аджикой. Скрип духовки: сметанный торт с фигуркой лебедя, вырезанной из яблока так умело, как сможет не всякий выпускник модных нынче курсов по карвингу.

Я обожала ходить к Ленке в гости после школы – вечно голодная девица, способная в один присест слопать пачку «Шахматного» печенья (или, как вариант, десяток пряников – каждый был разрезан пополам и сдобрен пластиком подтаявшего масла), в этой кулинарной лаборатории я угощалась от всей души, не заморачиваясь взрослой мыслью о том, что меня здесь никто не имел в виду. Спасибо щедрой Ленке и её терпеливой семье! Спасибо, что не пускались со мною в душе- и телоспасительные беседы (а тело, между прочим, молило о помощи – над форменной синей юбкой к десятому классу висел рубенсовский животик, да и щёки у меня в семнадцать лет были не хуже, чем у свиньи перед забоем), но каждый день исполняли любимую песню – бом-м, звяк, скрип...

Когда я вижу по-настоящему красивые продукты, то вспоминаю, каково это – быть писателем. Тонко нарезанные шампиньоны – будто ионические капители. Эротичные мидии – каждая просится на разворот журнала для взрослых. Савойская капуста, разобранная по листику, – лежачий лес летних деревьев. Лениво-тягучий башкирский мёд. Фенхель, похожий на бледно-зелёное, анатомическое сердце. Яркие орские помидоры – будто бы надутые изнутри, как воздушные шарики. Свечной огарок или – если хотите – мутная пластмасса пармезана: впрочем, он похож ещё и на светлый, сладкий шербет. А ядрышки грецких орехов – сразу и на крохотный мозг, и на бабочкины крылья. Грибы лисички – золотисто-розовые, как волосы тициановских женщин... И даже кусочки фольги, прилипшей к противню, напоминают мне силуэты сказочных драконов – рассматривать их можно так же долго, как летние облака...

В эфире я часто говорю, что время завтрака – лучшее за весь день. Хлебный пудинг, омлет из перепелиных яиц, блинчики с козьим сыром, грушевый сок и порция кофе смертельного объёма, с кардамоном, корицей или мёдом...

Постояв с минуту перед раскрытыми дверцами шкафчика и пересчитав ножи, висевшие на стене, я с наслаждением представила эти ножи воткнутыми в шею новоявленной ведущей, Чингисханом ступившей в мой Хорезм. (Вот не зря я недавно посмотрела длинный китайский телесериал о Тэмуджине-воине – даже такие вещи замечательно расширяют кругозор.)

В итоге я не стала ничего готовить, а сварила себе самый обыкновенный кофе, да и тот не сумела выпить до конца.

Обычно я приезжаю на работу к десяти, но сегодня задержалась минут на сорок. Ирак – я издали заметила её на крыльце – тревожно высматривала во дворе мою машину. И ещё я заметила, что моё законное парковочное место занято чужим, вульгарным джипом с незнакомыми номерами.

Джипы – самый неуместный в городе транспорт, и предпочитают его, как правило, мужчины, тонущие в комплексах, и дамочки, которые перепутали с просёлком многорядный проспект. Джипы закрывают обзор, пожирают воздух и занимают много места на парковках. Кстати, я могла бы купить себе сразу несколько джипов, но никогда не сделаю этого из уважения к моим телезрителям – и, разумеется, из уважения к другим горожанам, которые ещё не стали зрителями нашего канала. (Это – вопрос времени.)

Да, в наше время не модно иметь принципы – но у меня они есть.

И вот я – вместе со своими принципами – стою, раскрыв рот, и смотрю на квадратного чёрного зверя, облепленного со всех сторон аляповатыми наклейками. На сиденье рядом с водительским местом валяется точно такая же книжка британского повара, какую я вчера пыталась читать на сон грядущий.

Ирак махнула рукой, указывая на чудом уцелевшее свободное место у крыльца, а я начала догадываться, кому принадлежит этот гроб на колёсах.

В лифте, который вызвала Ирак, не прекращая преданно пялиться мне в душу, пахло парфюмерной ванилью – аромат, который я на дух не переношу! Я вообще не люблю духи – свежесмолотые специи пахнут куда приятнее; но незадолго до нас в лифте явно проехался некто с совершенно иными вкусами.

– У нас сейчас представление, – сказала Ирак, пока я принюхивалась к запахам кабины.

– Цирковое, надеюсь?

Ирак послушно хихикнула.

– Да нет, представление новой ведущей. П.Н. будет знакомить Катю со всеми нашими. То есть они уже начали...

Начали? Без меня? Сначала она ужинает с П.Н., потом занимает мою парковку своим джипом, а теперь ещё и знакомится со всеми без меня?

Ирак была смущена и явно собиралась сообщить мне ещё одну неприятную новость. А может, и две.

– Тут такое дело... П.Н. попросил тебе сказать, что Иран с сегодняшнего дня будет работать с Катей. Будет её редактором.

Лифт затормозил на нашем, двенадцатом этаже, мощно выстрелив кнопкой.

– Иран? Иран будет работать с Катей? С какой стати?

– Ну, понимаешь, – Ирак по-детски забега?ла вперёд, заглядывая мне в глаза, – Иран готовила с тобой первый выпуск «Сириус-Шоу», она в курсе всего, а у нас с тобой уже столько опыта, и рука набита, и...

Мы одновременно вошли в кабинет, правда, Ирак тут же вернулась в редакторский предбанничек. С явным, как говорится, облегчением.

Я заметила, что с их общего стола уже исчезли и зелёный ноутбук Иран, и её дурацкий кактус.

Наши совещания мало похожи на обычные телевизионные планёрки, летучки, текучки – или как они там ещё называются? С первых дней открытия канала «Есть!» было решено собираться в кухне – одной из тех, что вы регулярно видите в моих шоу. И, разумеется, во всех прочих программах телеканала. П.Н. считает, что сотрудникам кулинарных программ крайне важно всё время быть в тонусе и ни на секунду не отвлекаться от главной задачи. «Есть!» – гордое имя канала вышито на льняной скатерти стола, за которым собираются ведущие, промоутеры, редакторы, рекламщики и прочий телевизионный люд, без которого невозможно сделать достойный продукт. Точнее, невозможно сделать вообще никакой.

Когда совещание проводится утром, на столе красуется обстоятельный завтрак, днём всех поджидает горячий обед, ну а к вечеру обязательно сервируется ужин. Одна из студийных кухонь, как правило, пуста, и здесь – по лёгкому взмаху руки П.Н. – за полчаса накрывается такой стол, что рестораторы обзавидуются.

Между прочим, многие мои зрители отмечают, что с тех пор, как я научила их готовить, они практически перестали ходить в рестораны. Если же они по какой-либо причине всё-таки попадают в едальное заведение, то им не хочется заказывать блюдо, которое можно приготовить самому – и ничуть не хуже. Очень правильное чувство – я сама его часто испытываю, обедая в «Модене» или «Пирожке». И это при том, что «Модена» и «The Пирожок» – лучшие рестораны города, принадлежащие Юрику Карачаеву, старому другу и главному оппоненту П.Н.

Юрик Карачаев догрызает мосластые остатки собственных локтей, размышляя о том, почему же не ему первому пришла в голову светлая идея открыть кулинарный телеканал. Мама П.Н., милейшая Берта Петровна, и мать Юрика с юности были задушевыми подругами, и одна у другой даже отбила жениха (не помню, кто у кого, но поставила бы на Берту Петровну). Подобная закваска поддерживает дружбу на протяжении всей жизни – и пусть даже Юрик ненавидит П.Н. и завидует ему всеми своими фибрами и жабрами, внешне он старательно изображает нейтралитет.

Беда Юрика в том, что он не умеет придумывать, – зато в способности доводить до совершенства чужие идеи и вовремя прятать сворованные куски в норе с Карачаевым никто не сравнится. П.Н. подхватил первую мощную волну интереса россиян к кулинарии – и Юрик тут же, подсуетившись, открыл в городе первый гурманский магазин «Трюфель». П.Н. зарегистрировал телеканал «Есть!» – Юрик немедленно приступил к строительству итальянского ресторана «Модена» и пафосной русской закуской «The Пирожок». П.Н. объявил об открытии в городе первых непрофессиональных кулинарных курсов – и Юрик отозвался глянцевым (и редкостно бестолковым!) журналом «Гурман», по сей день безуспешно пытающимся оттяпать у канала «Есть!» хотя бы часть рекламных денег. Юрик Карачаев – живая тень П.Н.; он бредёт след в след, подбирая крошки идей и не гнушаясь забракованными нашим боссом проектами (магазин, рестораны и журнал тоже значились в планах П.Н., но он решил сосредоточиться на телевидении и, как теперь уже ясно, не прогадал).

Юрик считается партнёром П.Н. «по бизнесу», и потому запросто является к нам в студию, и даже принимает иногда участие в совещаниях; думаю, главной движущей силой, влекущей Карачаева к нам в студию, служит отличная местная кухня. Юрик жадно лопает всё, что готовят наши дежурные повара, и старательно запоминает рецепты – через неделю в «Модене» будут с важным видом поданы новые салаты и десерты. Меня это жутко возмущает: воровство и плагиат! А П.Н. смеётся и машет рукой – ему не жаль поделиться с Юриком очередным открытием, он верит, что рецептов на свете – неисчерпаемое количество. И, как мы с вами знаем, заблуждается.

Сегодняшнее совещание, на которое я опоздала, оформлено в стиле «поздний завтрак». Вместо блокнотов перед сотрудниками – квадратные тарелки с томатными кексами и белыми велюровыми персиками, корзинки с крошечными шоколадно-малиновыми пирожными и канапе с завитушками спаржевого крема. Пахнет свежим кофе, хотя П.Н. и Юрик пьют индийский чай «масала» с молоком и специями. Во главе стола восседает знакомая нам блондинка: яростная улыбка, как шрам на лице, и преувеличенно внимательный разворот в сторону главного режиссёра канала – Аркадия Пушкина, о котором ещё лет пять назад кто-то метко пошутил: «Пушкин – это наше всё!» П.Н., Юрик, предательница Иран, вообще все наши главные и неглавные деятели внимательно смотрят на блондинку. Её тарелка чуть сдвинута в пользу раскрытого посередине альбома с фотографиями. Конечно же, это снимки еды.

Снимать еду – особое искусство. Это вам не людей щёлкать – сколько я знаю случаев, когда первоклассные фотографы превращали шедевры в размытые неаппетитные картинки!

...Совещание в самом разгаре. Юрик жуёт персик, сладкие дорожки сока текут из уголков рта, и между чавканьями он пытается участвовать в разговоре. Перед П.Н. белеет абсолютно пустая тарелка – она в любую секунду может стать летающей.

Если хочешь выглядеть естественно, говори как можно громче:

– Добрый день!

Все поворачиваются ко мне, кивают и вновь возвращаются к звезде совещания.

– Геня, присоединяйся, – велит П.Н. и щёлкает пальцами, чтобы мне принесли стул и прибор. Изначально свободного стула и прибора для меня не было – потому что на моём месте сидит Катя Парусова.

– Ека, – робко говорит Иран. – Мне кажется, «Ека» звучит хорошо.

– Мне нравится, – сообщает Пушкин, Юрий поспешно кладёт волосатую персиковую косточку на белоснежную скатерть (надо как можно больше нагадить любимому недругу – пусть и по мелочи!) и вытирает пальцы салфеткой.

– Молодец, Иран! – П.Н. хмурит брови, представляя новое имя на экране. Ека Парусова.

Брови П.Н. летят вверх, как пушистые птицы, и на лбу – будто нотный стан – прорисовываются чёткие морщины. Лицевую азбуку П.Н. я знаю лучше всех в мире. Перевожу: он доволен, зпт, но не готов пока признать это обстоятельство вслух тчк.

Будущая Ека скромно улыбается:

– То, что надо! Но ещё лучше – «Ека Парусинская».

П.Н. разворачивается всем своим мощным корпусом ко мне. Дуб под ураганным ветром.

– Первый эфир – сегодня, времени нет, так что всем придется помогать. Кстати, Ека (он перекачивает новое имя во рту, как фасолину в чили-кон-карне), покажи-ка Гене портфолио. Это нечто! Я даже завтракать не стал – так разволновался.

У П.Н. есть удивительное свойство – когда он волнуется, то напрочь теряет аппетит. Что ж, как и подобает непосредственному начальнику, П.Н. всегда ведёт себя непосредственно.

Ека отправила в мою сторону тяжёлый кожаный альбом, а я вонзила ложечку в малиновое сердце пирожного: она вошла туда, как игла в вену.

Улыбка моя сползала, я пыталась её зафиксировать, хотя так можно и нервный тик заработать.

А Ека тем временем отвечала на вопросы трудового коллектива. Пушкин поинтересовался семьёй, подарившей миру такую потрясающую девушку.

– Семья у меня простая, интеллигентная, – вещала Ека, и я тут же сформулировала для себя определение интеллигентного человека: он никогда не произносит слова «интеллигентный», по этому признаку его и можно узнать. Слово «интеллигентный» для интеллигентного человека – табу.

Одна моя знакомая всего за полчаса пять раз сказала слово «интеллигентный», явно противопоставляя его слову (а точнее, понятию) «нуворишеский». Нувориши – ха! Мы все, если задуматься, нувориши. Нас ещё вчера упрекали в неумении пользоваться чашкой для полоскания рук, а в первом в своей жизни российском ресторане японской кухни я видела женщину, которая ожесточённо распиливала ни в чём не повинный ролл ножом. И ела рис вилкой.

Но если выбирать между «простыми интеллигентными людьми» и «нуворишами», я, наверное, выберу нуворишей. Хорошо, что я не обязана выбирать, – моих телезрителей, например, я люблю именно за то, что это они меня выбирают. Даже тех идиотов, которые пишут про меня всякие гадости на моём же форуме, – даже их я люблю: ибо смотрят, а остальное – мелочи.

Я листала Екино портфолио, прикидывая, с какой замечательной отдачей можно было бы его бросить прямо ей в личико, раскрасневшееся от удовольствия. Совсем не ожидала увидеть среди её рецептов нечто на самом деле интересное.

Беда всех моих коллег, работающих в гастрономической журналистике, в том, что они порой излишне перебарщивают – и отпугивают публику обильными цитатами из Брийя-Саварена и рецептами Огюста Эскофье. Тогда как всё новое и непонятное нужно вводить гомеопатическими порциями. Я думала, что и Еку непременно заденет чаша сия (краем по носу), – что в портфолио будут расфуфыренные, сложные рецепты, которыми можно всего лишь любоваться, как произведениями искусства.

Я думала так, но я ошибалась.

Глава шестая,

посвящённая курице, несправедливостям жизни, автоответчикам и чужим голосам

Как говаривала одна моя кулинарная наставница (не подозревавшая, впрочем, о том, что она наставница) – «курицу трудно испортить». Могу на спор перечислить сотню всевозможных способов обращения с этой птицей – кого волнует, что она не умеет ни петь, ни летать? И, разумеется, Ека Парусинская назначила музой своего первого «Сириус-Шоу» именно курицу. Bravo! Свежо! Оригинально! Между прочим, идея программы, рождённая мною в процессе приготовления салата «Южный Крест» (рецепт Клода Террайля: ломтики рыжей папайи, плотная мякоть авокадо, сладкий перец и лимонный сок с мятой), не допускала продуктовых ограничений – пусть даже в пользу любезной народу курицы. Почти все приобретают её в расчленённом виде: кому-то ближе ноги, кому-то крылья. П.Н. обожает куриные сердечки с желудками, тушённые с шалотом и шампиньонами. Юрик предпочитает крылышки в апельсиновом маринаде или крахмальном кляре и просит поваров не обрубить «пальцы» – по правилам, их требуется убирать, а вот нашему Юрику они нравятся особенно.

Однако я вместе с курицей улетела далеко от темы.

Темой «Сириус-Шоу» не может быть один-единственный продукт – ведь даже самая благодатная курица не сможет угодить всем нашим зрителям, и тем более клиентам «Сириуса». Кстати, какое счастье, что у нас есть «Сириус», – его директорша и убеждённая эвдемонистка Мара Михайловна сначала была страстной поклонницей всего канала «Есть!», а потом стала моей главной (пожалуй, самой ценной из всех) фанаткой. Благодаря Маре Михайловне и её душевному спонсорству я могу готовить всё, что только взбредёт в голову, – и как же больно мне смотреть на мучения коллег, когда они воспевают в программах бульонные кубики «Химия и жизнь», выдавливая из себя заказные рецепты, лишь бы заработать вожделенную денежку и творить с её помощью всё в том же духе и ключе. Вечный бесконечный самообман – надежда, что однажды действительно сможешь заняться тем, что тебе и в самом деле интересно.

В советское время Мара Михайловна лет пятнадцать проработала товароведом в главном рыбном магазине города. Волна перестройки сначала накрыла её с головой, но потом сжалась и благополучно вынесла на берег новой жизни. Став «госпожой Сириус», Мара Михайловна подрастратила прежние хватки: отучилась надменно взирать на покупателей, хамить беззащитным старушкам и скатёркой стелиться пред начальством. Эта круглая, весёлая, вечно загорелая, как круассан, женщина вдруг полюбила мини-юбки и фальшивые ногти, научилась искренне хохотать и вообще жить для своего плезуру. Мы с ней отчасти дружим, и Мара Михайловна всерьёз собиралась свести меня со своим младшим сынулей, но, к счастью, принц вовремя отбыл в Германию за вторым высшим.

«Сириус-Шоу» – это была моя благодарность, я придумала эту программу персонально для Мары Михайловны! Естественно, у меня нет недостатка в идеях и свежих мыслях – но всё же, так запросто взять и расстаться с одним из самых успешных проектов и смотреть, как эта скатерть-новобранка в первом же выпуске убивает саму идею программы?!

Ирак, которая принесла мне эту весть практически неостывшей, грустно пожимает плечами. Ека вместе с Иран и Пушкиным с утра сидят, закрывшись в студии, а П.Н. я не видела уже неделю – с того памятного собрания.

Кажется, он собирался в Париж, а потом – в Бретань, к морю.

П.Н., как дельфин, преданно любит море. Задолго до того, как уйти в телевидение (люди уходят сюда как в бездну и обычно не возвращаются), П.Н. был филологом. Указательный палец поправляет съехавшие на нос очки. Массовое обожание студенток, одичавших на фоне мужского безрыбья и готовых кинуться на первого же встречного преподавателя, при условии, что он не красится и носит брюки. Я часто думаю о том П.Н., ещё не обросшем жирцом и миллионами. Тот П.Н. запросто курил на лестнице нашей общей альма-матер, не догадываясь, какие чудеса перевоплощения ждут его в будущем. Впрочем, скорее всего, я прошла бы мимо того скромного учёного, мечтательно cedящего дурную папироску и размышляющего о скорой защите.

Темой диссертационного исследования П.Н., как он сам мне множество раз – и с удовольствием! – рассказывал, был «Образ моря в мировой литературе». Будто

усердный рыбак, П.Н. вылавливал из моря писательских эпитетов удачные и не очень описания волн, прибоя, полночного бриза, лунной дорожки, солёного аромата, шторма, русалок, пиратов, китов и водорослей. Он даже у Теккерера отыскал неплохой морской абзац и до сих пор может прошпарить его по памяти. А Катаев? «Малахитовые доски прибоя, размашисто исписанные белыми зигзагами пены, с пушечным громом разбиваются о берег. Эхо звенит бронзой в оглушённом воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеёй во всю громадную высоту потрясённых обрывов».

– Не правда ли, хочется надеть штормовку? – радовался П.Н., расстреляв обойму очередных цитат, так и не вошедших, впрочем, в диссертацию. Так, впрочем, и не написанную.

Я отвечала, что штормовку мне надевать не хочется – а вот картины Айвазовского встают перед глазами как живые. П.Н. хмурился – он не любил Айвазовского и потешался над словом «маринист»:

– Это художник, который рисует Марин.

Про море в литературе П.Н. однажды вещал мне битый час подряд – насущные дела и проблемы словно бы смыло из его памяти высокой прибойной волной. Как все начальники, П.Н. довольно часто выпадает из реальности, и я далеко не сразу научилась возвращать его обратно. Лично я совершенно равнодушна как к литературным описаниям моря, так и к самому его существованию – помнится, подводные съёмки Кусто и Рифеншталь, перед которыми П.Н. буквально трясся от восторга, вызвали у меня вполне прозаический, хотя и бурный, приступ аппетита: какие же вкусные должны быть эти свежие осьминоги, толстенные рыбы, сочные моллюски! Разумеется, я не стала разрушать своей прозой экстаз начальника... Да, были времена, когда мы вместе смотрели кино, а не просто изучали новые эфиры.

...Вот уже неделя, как П.Н. не приходил ко мне ужинать... Конечно же, я не унижаюсь до расспросов и звонков! Я верю себе и советую делать то же самое своим зрителям – наши предчувствия никогда нас не обманывают, идёт ли речь о том, сколько соли класть в салат, или о том, любит ли вас ваш избранник. Какое счастье, что на страдания у меня попросту нет времени – пора забыть о Еке и «Сириус-Шоу»! Сегодня мы пишем очередной блок выпусков «Гениальной

Кухни», да и над книгой надо посидеть часок... Рецепты опробованы, команда в сборе, у меня всё прекрасно!

«Гениальная Кухня» выходит в эфир по будням, в прайм-тайм. В этот час мои телезрители уже отужинали, и мреют по ту сторону экрана с раскрытыми блокнотами и ноутбуками: я строго-настрого рекомендую не смотреть мою программу на голодный желудок (поход «в ночное» к холодильнику будет в таком случае практически неизбежен, а это никому не нужно).

Три программы по шестьдесят минут и всего два рекламных блока (оба отданы «Сириусу»). В каждом выпуске – по пять новых рецептов. Да, именно так – Пять Новых Рецептов. Сама до сих пор не знаю, как мне это удаётся, но каждый раз, на протяжении многих лет, я дарю моим зрителям целых пять новых способов превратить обыкновенные продукты в съедобные шедевры. К финалу каждого нового выпуска автоответчик программы и наш почтовый ящик переполнены восторженными откликами:

«Геня, я приготовила ваш малиновый чизкейк, и муж признался мне в любви! Спасибо!»

«Геня, мы с сестрой делали тыквенный суп – это что-то с чем-то!» (На самом деле это тыква с фисташками, молоком и капелькой зелёного табаско.)

«Геничка, я очень старый человек, ребёнком пережила блокаду, и ваши блюда для меня – такая роскошь, но как просто всё готовится, и как вкусно! Спасибо! Спасибо! Спасибо!»

Под настроение я люблю прослушивать эти сообщения – они помогают мне верить в то, что я не зря потратила столько лет своей жизни. Моя мама, например, считает, что я их действительно потратила – у одноклассниц дети уже школу оканчивают, а я по-прежнему «девушка, передайте, пожалуйста, на билетик». Вот и славно, я так и хотела. Да, годы проходят, как ни пытайся их стреножить, и кое-какие признаки прожитых лет без труда прочитываются на лице – но... всё же пусть старость чуточку помедлит... Собственный ребёнок – это километровый, как минимум, прыжок к старости. Тебя сдвигают к краю, вот и всё.

Я вдруг вспомнила, как два месяца назад слушала голоса моих зрителей – подростковые и старческие, визгливые и мелодичные, звонкие, робкие, нахальные, хрустальные голоса. Ближе к концу, размякнув и оттаяв, набравшись новых сил, я собиралась выключить автоответчик, как вдруг услышала неожиданное.

Голос был вкрадчивый, самую малость хриплый.

– Геня, я посмотрела вашу передачу...

(Ненавижу слово «передача», всегда говорю «программа».)

Тяжкий вздох. Кажется, вкрадчивой даме не хочется об этом говорить, но она всё равно скажет – во имя справедливости, и чтобы на душе полегчало.

– Вы меня простите, Геня, но многие ваши рецепты мелькали в других передачах. А банановое суфле и котлеты «с сюрпризом» были в журнале «Кухня», который, я так понимаю, вы читаете от корки до корки.

Ещё один вздох. И она отключилась.

Я тогда дёрнулась, как будто вошла в работающий блендер вилкой, чтобы оживить приунывшие кусочки фруктов – и вместо них оживилась сама.

Дело в том, что я никогда не ворую рецепты! И плагиат в любых проявлениях для меня категорически неприемлем. Но что поделать, если в природе существует всего один стопроцентно верный способ испечь меренги? Если самый простой путь к вкусному фаршу лежит через вбитое яйцо, измельченное яблоко и мелко порубленную зелень? Да, мои рецепты почти никогда не повторяются – но даже я не в силах избежать цитат! Я простая смертная, а не богиня с гастрономического Олимпа.

Случай с тем сообщением на автоответчике был в своем роде единственным – то есть меня, конечно же, ругали и критиковали дорогие телезрители, но не так. И не за то! Поэтому я и запомнила тот звонок. И теперь, кажется, поняла, откуда у меня взялось это чувство – будто бы я слышала Еку еще до нашего знакомства.

Ирак заглянула в кабинет:

– Геня, пришла Вовочка.

Кого я всегда рада видеть – это косметолога Вовочку. Ежедневный дар небес, дама с бодрой матерщинкой. Она без конца травит байки, делится поучительными наблюдениями и рассказывает анекдоты, благодаря чему, собственно, и заслужила прозвище «Вовочка». Пока Вовочка делает мне очередную маску для лица или оформляет брови, я хохочу над её историями. Каждая вторая начинается так: «У меня есть одна девочка...». Девочками у Вовочки зовутся все создания женского пола, угодившие к ней на кушетку и заработавшие таким образом путёвку в вечность. Помнится, «одна девочка» пришла на процедуры с бодуна, так что Вовочке буквально выедало глаза; клиентка отрубалась на середине анекдота, бурно спала несколько минут, потом приходила в себя и спрашивала:

– А дальше что было?

И бедной Вовочке приходилось повторять анекдот заново, пока та снова не засыпала.

– Ещё у меня есть другая девочка...

Вовочкины истории бесконечны, как Вселенная, все мы в них – звёзды, планеты и «девочки».

– Здравствуйте, Геня, – зажурчала Вовочка, раскладывая простынку на кушетке. – Почему такие грустные?

Вовочка – великий оптимист, способный углядеть божественный промысел в любой жизненной каверзе и выйти из неё без потерь. Даже когда её сына забрали в милицию – парень коротал вечер в компании, где кто-то решил помочиться из окна на голову прохожему, – даже тогда Вовочка не пала духом, а крепко ударила отпрыску по щеке, так что даже милиционеры вступились за подростка. А потом она рассказала им анекдот – конечно, про Вовочку! Ещё она исключительно религиозна – держит пост не реже двух раз в год:

– Всё дело в том, Геня, что у меня накопилось столько просьб к Богу... должна же я предложить ему что-то взамен!

Но даже Вовочке сегодня не под силу рассеять мою хандру: истории про «одну девочку» журчат в стороне, будто бы гул водопада сносит ветром. Ко всему прочему она решила сделать мне сегодня коллагеновую маску под названием «удар хлыстом»: под толстой влажной плёнкой будет спрятано всё лицо – и глаза, и рот. Без всякого на то желания я останусь наедине с собой, лишённая возможности отвлечься книгой, разговором или событиями на четырёх вечно включённых маленьких экранах. Безжалостная Вовочка тархтит, как свежезаправленный трактор. На ушах маски нет, и я поневоле слушаю:

– Геня, ко мне тут пришла одна девочка... Ну... Эта самая девочка, которая теперь будет вести у вас все новые программы. Интересный человек, мне так показалось.

Я дёргаюсь, как от электрошока, но ответить не могу – лицо стянуто маской. Кажется, у меня приступ клаустрофобии.

Ека в «Сириусе». Екин голос по телефону. Екин джип на моём парковочном месте. Ека и моя Иран. Ека и моё шоу. Ека и... Вовочка?!

Наконец Вовочка бережно отлепляет застывшую маску и гордо поднимает вверх плотную розовую плёнку с точным отпечатком лица. Щёки, нос, рот и глазные впадины. Посмертная маска.

Мне, впрочем, не до маски:

– Она пришла в салон? И случайно попала именно к вам?

Кажется, я обидела Вовочку. Она швыряет маску в корзину – трёхочковый бросок!

– Геня, случайно ко мне никто не попадает.

Она права. Она тысячу раз права – Вовочка лучшая из лучших и потому может себе позволить полную свободу выбора. Никаких случайных тёт с рынка,

никаких капризных леди и дерзких прыщавых девиц.

Я почти что спросила Вовочку, кто же прислал к ней Еку, но вовремя вспомнила плакат с женщиной в красной косынке. Не болтай, Геня! Тем более не болтай при Вовочке, которая не способна держать язык за зубами.

Подушечками пальцев Вовочка аккуратно наносит крем на моё лицо и шею, а в дверь уже стучится Ирак – пришла парикмахерша Эля. Они с Вовочкой начинали в одном салоне – первом в нашем городе салоне красоты с европейскими замашками. Пока Вовочка громко приветствует вялую, но незаменимую Элю, я усаживаюсь перед зеркалом, закрываю глаза и... вспоминаю Екино портфолио.

Я не хотела проявлять к нему излишний интерес: по правилам игры следовало пролистать его вежливо, но бесстрастно, что я и сделала.

Вечно восторженный юноша Дод Колымажский – ещё один ведущий канала «Есть!» и мой ученик, выращенный из поклонника в полноценную творческую единицу, – преданно сопел рядом, пока я листала страницы.

– Обрати внимание на перепёлок, – прошептал он мне в ухо, пользуясь тем, что всеобщее внимание на время переместилось к П.Н.: тот рассуждал о новом рецепте чаудера, буквально перековавшем его отношение к этому скромному американскому супу. В иное время я слушала бы шефа во все уши, пытаюсь выяснить, где именно произошла историческая встреча с чаудером и в чём его секрет, но сейчас мы с Додом склонились над рецептом соте из перепёлок. Рецепт был и вправду хорош. При всей моей антипатии к перепёлкам (некоторые продукты я стараюсь использовать как можно реже – и перепёлки в этом списке), похожим на ощипанных воробьёв, блюдо это запросто смогло бы стать хитом в неплохом ресторане. Я изо всех сил старалась не смотреть на Еку с уважением (ещё чего!), а Дод пихнул вдруг меня коленом под столом и опять полез шептаться:

– Ничего не напоминает?

Усердно вглядываюсь в поступенчатый рецепт. И вправду, смутно знакомый подход... Где же я это видела, где? Память молчит, как русский турист за границей; я перелистнула страницу и... ба, так вот же он – тот чаудер, что

покорил сердце нашего генерального едока.

– Геня, дай-ка сюда! – крикнул П.Н., и я покорно отдала ему портфолио. П.Н. поднял его вверх, как школьный учитель, который демонстрирует классу лучшее сочинение.

– Великолепная штука, – П.Н. никак не угомонится, а Дод Колымажский тем временем тихонько кашляет.

– Простыл? – шепчу я.

Дод качает головой, а потом крутит пальцами в воздухе, словно бы набирая телефонный номер. Странно, телефонов с крутящимися циферблатами в стране почти не осталось, а привычка изображать «звонок» таким способом выжила. Двадцатипятилетний Колымажский – представитель нового поколения, и у парня большое будущее. Я ему доверяю. И звоню в первую же свободную минуту.

Мы встречаемся у входа в курилку – как недавно распростившаяся с пакостной привычкой, я не переступаю порога самой вонючей комнаты канала.

– Эти перепёлки... – задыхается Дод, – ...её перепёлки – это же твой рецепт, Геня! Из позапрошлого эфира. Кажется, март, да, точно, – март! Посмотри в архиве. Она просто убрала фенхель. И добавила к соусу сушёные грибы.

У Дода феноменальная память. А ещё он почти три года возглавлял мой личный фан-клуб и, даже став телеведущим, сохранил ко мне настолько трепетное отношение, насколько это вообще возможно для человека, перешедшего на качественно новый, как любит говорить Юрик, уровень.

Тут дверь курилки раскрылась, обдав нас с Додом зловонной волной, и навстречу вышли Иран и Юрик. Как в детском саду, парами, за ними следовали Ека и Пушкин.

Столкнувшись с нами, парный поезд резко затормозил, улыбки на лицах съехали набок, а слова испарились на полувздохе.

– Геня, здравствуй... – лепечет Иран, разглядывая ничем не примечательные боты Дода Колымажского.

– Привет, зайчик, – отзываюсь я. Иран, надеюсь, помнит о том, что «зайчиками» я называю только самых дорогих мне людей? (Тот Человек, кстати, всячески открещивался от моих «зайчиков», утверждая, что животное это – трусливое, мелко дрожащее и немое – ему категорически неприятно.) Меньше всего хочется показывать предательнице Иран, будто бы я страдаю от её отсутствия.

– Генечка, – кланяется мне Юрик, склоняя лысоватый черепок – привычка хореографического детства. Как все высокие женщины, я вижу много лишнего в этой жизни – к примеру, пыль на верхних полках и чужие залысины. А Юрик, как все мужчины, в детстве занимавшиеся бальными танцами, навсегда сохранил привычку осанисто держать спину, стучать каблучком и кланяться дамам.

Пушкин без лишних слов целует меня в щёку, обдав табачным запахом, а Ека, не разжимая губ, улыбается.

– ...Геня, у нас три минуты, – в комнату врывается Ирак. Она нервничает так, словно бы мы работаем в прямом эфире, а ведь на самом деле все выпуски программы «Гениальная Кухня» – стопроцентная запись. Сейчас мы снимаем то, что вы увидите через месяц, – а пока вы смотрите отснятые нами кадры, я буду готовить ноябрьские выпуски.

– С вами Геня Гималаева и программа «Гениальная Кухня», – я искренне улыбаюсь внимательным глазам камер. – Сегодняшний выпуск целиком посвящен нашей с вами любимой птице. Итак, пять новых блюд из курицы, которые вы, скорее всего, никогда ещё не готовили. Полетели!

Глава седьмая,

в которой продолжается разговор о курице, а также заводится речь о стереотипности мышления, плагиате и воровстве

Если бы я читала книгу о самой себе, то меня беспокоил бы вполне резонный вопрос: почему успешная и уверенная в себе телеведущая, опытный кулинар и взрослая женщина позволила какой-то самозванке-самобранке окопаться у себя под самым носом? Эх, читатель... Какой смысл рассуждать об этом теперь, когда мы с Екой сидим в лучшем ресторане Местре и смотрим, как носятся по залу толстяки-официанты, отдуваясь под тяжестью подносов? Время упущено, и выиграть я не смогу, даже если прыгну выше собственной головы и сорву в полёте муранскую люстру... Да, я вела себя глупо, и очень боялась показать окружающим, как сильно переживаю Екино вторжение, – ведь если бы я стала явственно нервничать, все сразу же поняли бы, как сильно я зависела всё это время от чужого мнения. Добавьте сюда проклятую интеллигентность, которая, хочешь не хочешь, в некотором количестве входит в состав моей крови, и поймёте, почему в решающий момент я не смогла включить на полную мощность свою стержневость, которая у меня тоже имеется... Вот так и получилось, что в те дни я была не столько борцом, сколько «свидетелем умилённым» того, что творилось с моей жизнью.

«Куриные бои» – как их прозвали позднее с лёгкой руки Пушкина – наделали у нас такого шума, что даже П.Н. вынужден был прервать свой лакомый устрично-блинный отпуск и вернуться в родные «шпинаты». Такого прежде не случалось, П.Н. запросто покидал пульт управления, оставляя штурвал проверенным временем людям – Пушкину, мне и своей правой руке (за которую, как утверждает П.Н., можно легко отдать и левую), тихой Аллочке Рыбаковой, отзывающейся на Эллочку, Анечку и даже Адочку.

Эта скромная с виду особа на самом деле скроена из крепчайшего огнеупорного сплава, который не страдает ни от временного безденежья, ни от вынужденного одиночества, ни от вечных, почти метеорологических перепадов настроений руководства. Психологическая устойчивость Аллочки – одна из тех загадок, которые, я полагаю, человечество не разгадает никогда. Кроме того, Аллочка готовит отменный борщ, это признаёт даже П.Н., известный борщевед. Борщ Аллочки – пылающий и жаркий, как обнажённое сердце, но сама она источает холод прямо-таки в промышленных масштабах. В отсутствие П.Н. Аллочка вместе с нами рулила каналом – мы с Пушкиным сверяли с ней все свои планы и эфиры.

И всё было прекрасно, как в Аллочкином борще, покуда на сцене не появилась Ека со своими курицами. И я – со своими.

В тот роковой день мне, как всегда, ассистировали пятеро, не считая Ирак, Славочки и других операторов. Место Иран вызывающе светилось пустотой. Ирак обеими руками прижимала к груди пять новых рецептов, красиво отпечатанных на цветной бумаге.

Фаршированные черносливом желудки, крылышки в маринаде из крыжовника с соевым соусом, запечённая курица с кумкватами, рисом и кешью, прозрачный, как креветка, бульон с пирожками из куриных печёнок и хрустящие чипсы из куриной кожи. Подготовленные продукты с тщательной небрежностью выложены на блюда и разделочные доски – два года назад я пригласила лучшего в городе дизайнера по интерьерам, который каждые три месяца заново оформляет студию для съёмок. Вначале пришлось с ним изрядно пободаться – дизайнер питал слабость к живым цветам и совал их буквально повсюду (а я не люблю ни живые цветы, ни мёртвые), но теперь мы вполне довольны как друг другом, так и нашей общей студией. Впрочем, к себе домой я бы его всё равно не пригласила.

Я – в полосатом длинном фартуке – улыбаюсь моим дорогим телезрителям так искренне, чтобы они смогли ощутить живительное тепло моей улыбки, сохранённое волшебством Славочкиной камеры. Я ещё не знаю, что именно эта программа никогда не выйдет в эфир...

Все блюда получились именно такими, как надо. Пирожки сочные, как деревенские девки, и манящие, как грех. Бульон – слёзно чист и ароматен, будто азиатский рынок; жареные крылышки блестят не хуже рыбы, вытащенной на берег; желудки просятся в желудок, а запечённая курица готова лопнуть от гордости за свой богатый внутренний мир. Славочка сглатывает голодную слюну, а я прощаюсь с телезрителями, похрустывая чипсами в виде птичьих лапок. Я всегда ем «на камеру» – П.Н. ещё лет семь назад отметил, что у меня это получается очень аппетитно.

Как всегда по средам, я должна была записать ещё и очередной выпуск «Звёздного меню». В этой программе блистают – по мере сил – городские персонажи различной степени звёздности, которые, как им кажется, умеют готовить и претендуют по этой причине на полчаса ценного эфирного времени. Не люблю я «Звёздное меню» – в кухне его участники не разбираются, сами в

большинстве случаев скучны, – но куда деваться?.. По словам П.Н., «Когда говорят деньги, высокому искусству лучше помолчать». И еще: «Самовыражаться будешь в “Гениальной Кухне”, а “звёзды” нам тоже ещё – увидишь! – пригодятся». Что-что, а подходящие слова у П.Н. всегда наготове. Однажды он сказал мне, что потратил значительную часть своей жизни на то, чтобы найти людей, которые смогут ответить на его вопросы, а потом понял, что вернее прекратить поиски и стать таким человеком самому.

В программе «Звёздное меню» обычно участвуют начинающие певички, забытые богом и людьми актёры, а также самые скучные в мире люди – городские и областные депутаты. Вот и сегодня мне предстояло встретиться с очередным таким депутатом – многообещающе толстеньким, но, увы, совершенно не приспособленным к кухонной деятельности дядечкой по фамилии Горликов. П.Н. утверждал, что Эрик Горликов – перспективный политик; я, однако, заметила только сальную лысину и ощутила прельный запах, который источал депутатский пиджачок.

Славочка с помощниками потирали руки за студийным столом, пока Ирак разделывала курицу, а мои ассистенты на ходу набивали рот фаршированными желудками. Обожаю свою работу – как просто сделать людей счастливыми! Славочка хрустнул чипсом прямо у меня под ухом и восторженно застонал.

– Геня, у нас сорок минут, – сообщила Ирак. – Может, глянем, что там делается в «Сириус-Шоу»?

И то верно – сегодня Екин прогон! Именно сегодня у всех появится прекрасная возможность сравнить наши таланты – курица здесь, курица там. Славочка прибавил звуку, Ирак цыкнула на громко чавкающих ассистентов. (Лично я люблю, когда люди шумно едят – значит, им так вкусно, что на соблюдение приличий не остаётся ни сил, ни времени. И китайцы со мной солидарны: у них громкие звуки и пятнистая скатерть – улики вкусной трапезы.)

...Знакомые позывные, рекламный блок «Сириуса», логотип канала «Есть!»...

– Здравствуйте, с вами новая ведущая «Сириус-Шоу» Ека Парусинская!

Когда я впервые увидела Еку в гипермаркете, то, помнится, назвала её рыбой. Во весь голос звучала в ней эта скользкая и одновременно с тем мучнистая нота

– женщинам при встрече с такой рыбой приходит в голову, что она не представляет для них никакой опасности, ибо глупа, бледна, холодна и, следовательно, неспособна посягнуть на чужие жизненные приобретения. Так вот – здесь ошибка! Рыба, подобная Еке, обладает врождённой способностью к перевоплощениям, и лицо её, водянисто-невзрачное, с широким ртом, может вдруг засверкать такими гранями и оттенками, что мужчины, карьерные свершения – или за что вы там беспокоитесь? – пойдут за нею в едином порыве птичьей стаи. Или рыбьего, что здесь уместнее, косяка.

Визажист так потрудился над Екиным лицом, что, честно говоря, я это лицо поначалу вообще не признала. Никакой воды – сплошь концентрированная энергия! В людской внешности всё решают не черты лица, а его выражение, нет ничего важнее, можете мне поверить.

С годами на сыроватом, только лишь начавшем схватываться девичьем личике проявляются все мысли, бродившие в голове, и отпечатываются все поступки, совершённые телом. Годам к тридцати мы утрачиваем прекрасную способность меняться, и облик наш словно бы затвердевает, утверждается, крепнет. Мы получаем то самое лицо, которое задумывалось создателем, но с ремарками, добавленными нашими усилиями. Когда эти ремарки-помарки вступают в противоречие с изначальным замыслом, лицо становится уродливым – пусть даже изначально обладательница его была прекрасна, как дочь Леды. Если же побеждает изначальный замысел, человеку достаётся высшая награда – способность по желанию становиться неузнаваемым и принимать возрастные изменения как подарок, а не как испытание. От людей требуется много мужества, чтобы смириться с переменами, оправдать морщины, сутулость, седину, но смирение это придаёт лицам намного больше достоинства и красоты, чем звезда ботокса, горящего во лбу... Странные мысли для телезвезды? Я, как все, думаю о том, что однажды постарею и не смогу больше появляться на экране, но что поделаешь...

А вот верующий косметолог Вовочка утверждает, ссылаясь на мудрецов, что старость – это самое гуманное изобретение Бога, потому что постепенный выход из строя всех наших органов готовит нас к безгрешной небесной встрече. Представляете? Мы теряем зубы и не можем больше есть мясо. Наши тела слишком стары для секса, и вот, увы, мы больше не грешим. Мы плохо видим – и не позволяем себе вредных душе зрелищ... Если уж косметолог – ежедневно возвращающий веру в себя десяткам стареющих женщин! – так покорно относится к извечному ходу времени, что остаётся нам?

...Занесло меня. Тем, кто работает с живым словом, только подкинь тему, и они тут же кинутся обсасывать её со всех сторон, как П.Н., – куриную косточку, до состояния самой что ни на есть раздетой сущности. Косточка превращается в крохотную рогатку, которой смог бы играть разве что гномик, а тема, напротив, обрастает весом лишних слов...

Ека хорошо смотрелась в кадре. В реальном мире ей не хватало роста, и голова её была словно бы приставлена к чужому телу – во всяком случае, лепили их точно по отдельности. Тельце у самобранки было субтильным, с узкими бёдрами и длинной ровной талией. В том месте, где у женщин обыкновенно располагается грудь, Ека могла предъявить лишь две плоских складочки на блузке. И если бы мне предложили, как в детской развивающей книжке, подобрать к этому телу подходящую голову, я лишь в последнюю очередь взяла бы Екину – большую, с выпуклыми глазами, кривой линейкой рта, с пышной, как фонтан, причёской. В жизни всё это выглядело достаточно нелепо, но кто сказал, что телевидение имеет отношение к жизни? Сложенная из двух разнородных величин, новая ведущая «Сириус-Шоу» выглядела в кадре монолитно и цельно, как кусок мрамора, не нуждающийся в том, чтобы от него отсекали лишнее. Она правда была хороша, это видели все. И – спасибо им всем – молчали.

Впрочем, чужой красоте я обычно не завидую. Восхищаюсь – да, но не завидую, понимая, что каждому из нас дана именно та внешность, которую он заслужил. Я всегда смотрю на красивого человека как на произведение искусства, а долгое и подробное общение с моими зрителями доказывает, что физическая красота интересует далеко не каждого. Например, женщины средних лет скорее обидятся, если им сказать, что они плохо готовят, нежели – что они некрасивы. Помните ту знаменитую рекламу, кажется, лифчиков, где грудастая блондинка шепчет в камеру: «Я не умею готовить, но разве это важно?» Так и мои зрительницы, обладай они нужной раскованностью, могли бы стоя с тарелками в руках вымолвить: «Моя грудь давно потеряла форму, но разве это важно?» А следующим кадром – ряд мужчин, потерявших сознание от аромата румяной рульки...

...Тем временем на экране Ека трясла шевелюрой, представляя первую участницу шоу. Подстава! Слишком уж напомажена эта рыжая дамочка. И чересчур уверенно улыбается.

– Знакомьтесь, наша первая участница – Анфиса. Мы поймали её в отделе «Птица» – вот такая, дорогие телезрители, птичка попала нам в сети.

Птичка потупилась, а Ирак – по эту сторону экрана – хмыкнула, сложно сказать, с одобрением или нет.

Рядом со мной почти бесшумно уселся Аркадий Пушкин – от усталости и недосыпа под глазами у нашего режиссёра набрякли тёмные мешочки: будто бы там хранился весь недобранный им сон. Пушкин измученно улыбнулся экрану, и мешочки разъехались в стороны – как занавес.

– Хорошо работает, уверенно держится, – тихо, как в бреду, пробормотал режиссёр.

...Меж тем подсадная Анфиса набрала в корзину куриные крылышки, соевый соус, пакетик с глянцево-зелёными лаймами, оливковое масло и... банку крыжовенного мармелада! Я вцепилась в руку Пушкина, и он тут же вскрикнул:

– Ай! Ты чего царапаешься?

– А ты не понимаешь?

Пушкин не понимал. Зато Славочка громко икнул, а Ирак машинально вытерла ему губы салфеткой, как ребёнку.

...Анфиса тем временем уже открывала дверь своего дома перед Екой и оператором-невидимкой – они входили в маленькую, выскобленную до блеска кухню, по которой метался застигнутый врасплох кот – такой же рыжий, как хозяйка. Мы все, практически не моргая, смотрели, как Анфиса и Ека разбирают покупки и под аккомпанемент необязательной беседы маринуют крылышки в соевом соусе, разогретом мармеладе, масле и соке лайма.

– Отлично! – сиял Пушкин. Он ещё не понимал, счастливый, что тут на самом деле происходит. Ека, бурно распрощавшись с Анфисой, представляла следующего героя программы – юного толстяка по имени Илья. Я, помнится, предлагала иной сценарий – вначале знакомиться с тремя участниками в «Сириусе», а потом уже гостить в квартире у каждого поочередно: иначе

кажется, что ведущая скачет по городу, как бешеная блоха. Но Ека выбрала именно этот вариант. И в моём сегодняшнем рецепте, чудесным образом попавшем к ней в руки, она сделала всего одну замену – взяла вместо лимона лайм.

Илья предъявил Еке тележку, забитую снедью: сверху, разумеется, лежал пакет с куриной кожей.

– Вы даже не догадываетесь, – ухмыльнулась Ека, – что будет готовить Илья из этого, скажем честно, не слишком популярного продукта.

Илья улыбался, мучительно вспоминая вызубренный текст – как студент перед зачётом.

– Это будут чипсы из куриной кожи! – выдохнул он наконец. Голос у него оказался неожиданно тоненьким. – То есть, я хотел сказать, что приготовлю сегодня ещё целую кучу всяких классных штук, но главное блюдо – чипсы. Вредно, калорийно, но ужасно вкусно!

Ека радостно, как за малышом, делающим первые шаги, наблюдала, как Илья расплатился с кассиршей и ушел прямой дорогой к пятнадцатиминутной славе.

– Ну, что я говорил? – ликовал Пушкин на фоне общего гробового молчания. – Да её можно без всяких фокус-групп давать в эфир! П.Н. велел сразу отзвониться, если всё будет нормально.

– Пушкин! – я чувствовала, как Ирак дрожит со мной рядом крупнокалиберной дрожью. – Пушкин, всё уже не нормально.

– А? – выныривая из сладостных мыслей, он не сразу оторвался от экрана. – Почему это? Что плохо?

– Посмотри мой новый выпуск – и поймёшь.

Пока искали запись, на экране Ека общалась с третьим участником шоу – этот мужчина вихлялся, как молодой Челентано, улыбался такой же обаятельно-обезьяньей улыбкой и всеми способами эксплуатировал своё с ним сходство. Я

уже не удивилась, когда «Челентано» огласил свой «оригинальный рецепт» – это была запеченная курица, фаршированная рисом, кумкватами и фундуком.

– Кумкваты... Кумкваты... Кругом одни кумкваты... – потерянно лепетал Пушкин, смотревший параллельно две программы. Ека снова потрянула волосьями, пообещала телезрителям встретиться с ними «в следующую пятницу, в то же самое время» и скрылась под водопадом титров.

– Кто это сделал? – Пушкин наконец-то разгневался. Шторки под глазами налились грозной темнотой. Ирак и Славочка, ни дать ни взять, раки на выданье рыбаку, попятились к выходу.

– Карл у Клары украл кораллы? – спрашивал Пушкин и ощупывал при этом телефон, как любимую женщину – в поисках нужной кнопки. Далеко, в прохладной призрачной Бретани, меж зелёных утёсов и зыбучих песков, бродил единственный человек, способный уберечь нас от позора в эфире. Впрочем, нет, не единственный! Мы забыли про Аллочку.

– Алла, пожалуйста, зайди к Гене, и скажи Еке, что мы её тоже ждем, – сказал в трубку Пушкин. Ровно через три минуты, как всегда незаметная, в чём-то сером, без украшений, Аллочка Рыбакова проскользнула в нашу студию. Хотелось бы сказать, будто она внесла с собой глоток свежего воздуха, но это враньё – ничего она не внесла. Пушкин готов был прикончить нас всех и непосредственно после этого наложить на себя руки, Славочка нервно доедал последний фаршированный желудок, фаршируя таким образом желудок свой собственный, ну а мы с Ирак отупело любовались тем, как он жуёт и сглатывает.

– Здравствуйте всем! – в студию влетела растрепанная Иран, а за ней – Ека в том чёрном жакетике, что был на ней в эфире. Как только я увидела её, в животе неприятно ёкнуло. Вот именно! Жили, как сыры в масле, а потом – ёкнуло.

Я хотела домой. Там Шарлеманя лежит на ковре, как дополнительный мягкий коврик с хвостом. Там тихо, и пахнет родными вещами. Там никогда не ёкнет...

Пушкин тем временем почти что взял себя в руки. Как все люди среднего возраста, в юности он всей душой принял советы Дейла Карнеги, популярного на заре девяностых, и в силу этого полагал, что способен справиться с любой ситуацией, оказывать влияние на людей, и вообще, перестать бояться и начать

жить.

– Народ, – обратился к нам Пушкин, возреяв над разорённым столом, как великая идея над умами. – Народ, мы столкнулись с очень неприятным и очень странным совпадением, которого у нас даже старики не припомнят... Геня! Ека! Почему в ваших программах – практически одинаковые рецепты?

Я поперхнулась воздухом. Он что, хочет сказать, что я, Геня Гималаева, звезда канала «Есть!», стащила рецепты у только что принятого на работу человека?..

– Пушкин, ты пошутил! – догадалась я. – Неужели ты серьёзно думаешь, что я на такое способна? Зачем мне это, ты же знаешь, я каждый день сочиняю по сто новых рецептов!

– Минуточку, Евгения, – бесшумно, как хороший компьютер, включилась Аллочка (она единственная называет меня Евгенией, и только ей это с большим усилием прощается). – Давайте разберёмся. Кто записывался первым?

– Я, – быстро ответила Ека, и почти так же быстро исправилась: – Мы.

(Это очень важно: в телевидении никаких «я» не существует, оно – коллективная секта.)

Аллочка сдержанно кивнула:

– Видите ли, Екатерина, у нас на канале естественным образом сложилась атмосфера редкого доверия друг к другу. Павел Николаевич доверяет нам, а мы доверяем друг другу. И, знаете, я почему-то не думаю, что вы с Евгенией могли бы в один день сочинить три одинаковых рецепта... Екатерина, я хочу знать, когда вы придумали эти блюда для «Сириус-Шоу».

Аллочка изящно скрестила худые руки на груди и вонзила в Еку взгляд – как шампур.

Серые устричные глаза Еки подёрнулись перламутром, голос затрясся, как моллюск в раковине.

– Я... я ещё три дня назад решила, что мои гости будут готовить именно эти блюда, и я... я не знала, что мы так совпадём с «Гениальной Кухней».

– Совпадёте? – Пушкин возмущенно цыкнул. – Да это не совпадение, а полный съём!

Ека молча подняла глаза на обидчика – из них синхронно, как гимнастки из-под купола цирка, спускались крупные слёзы. Девочки, которые вовремя научились красиво плакать, никогда не упустят возможность продемонстрировать этот навык публично – ведь зрители непременно откликнутся аплодисментами! Вот и Пушкин вздохнул, беспомощно обернувшись к Аллочке, она же снова скрестила руки на груди, словно удерживая саму себя от неосторожных поступков. Аллочку – как Москву – слезами не размочишь, подумала я, и мысленно проводила Еку на свалку телевизионной истории... как вдруг раздался голос... нет, не голос – земляничное мороженое!

– Если что, я бы знала, – сказала Иран, отважно глядя в лицо Аллочке и стараясь при этом скосить взгляд в сторону Пушкина, чтобы охватить как можно больше собеседников сразу. – Ну, правда...

Ека вытерла слёзы и слегка откинула голову назад – будто заметила на противоположной стенке картину и теперь старалась запечатлеть её в памяти. Заговорила она глухо, ни на кого не глядя – прямо как древняя старуха, обиженная на всех своих отпрысков разом.

– Я сама придумала эти рецепты. И я не ожидала, что они окажутся настолько банальными, и что их скопируют даже... в другом шоу. Обещаю, что это не повторится.

Тут звонкой песней взорвался Аллочкин мобильник – неожиданно оптимистической мелодией с подвываниями и совсем уж несуразными «йей-йей-йей». Воистину, эта женщина – воплощённая загадка.

– Да, Павел Николаевич, – сказала Аллочка в трубку. – Да, у нас всё нормально. Да, никаких проблем. Да, отличный прогон, через секунду отправлю вам копию. Да, у мамыши Пуляр раньше готовили отличный омлет. И не забудьте сапоги, если пойдёте за устрицами. Всем передам. Всё скажу. Отдыхайте спокойно. До встречи!

Отсалютовав трубкой невидимому П.Н., который, судя по всему, бродил где-то в окрестностях Мон-Сен-Мишель, Аллочка неторопливо убрала мобильник в карман пиджачка и шлёпнула ладошками по столу:

– В интересах канала, и я думаю, вы все со мною согласитесь... Так вот, в интересах канала мы нарежем сегодня, Геня, твой выпуск. Видимо, это и вправду было удивительное совпадение. Но я вас обеих предупреждаю: чтобы больше таких чудес не было! У нас тут не церковь и не цирк, мне фокусы не нужны, ясно? Геня, тебе ничего не стоит быстренько переписать выпуск, вот давай сегодня, после «Звёздного меню», встретимся у меня в кабинете, и ты покажешь новые рецепты, окей?

Аллочка встала. Следом за ней поднялись остальные. Ека прошла мимо, не поднимая головы, а я всё никак не могла оторваться от стула – как будто меня прилепили к нему на крыжовенный джем.

Глава восьмая,

где последовательно появляются плохое настроение, Остап Бендер и устрицы

Бывают такие дни, когда всё вокруг – от погоды до прохожих, – как сговорившись, вызывает самые отвратительные чувства. Что поделать, даже у оптимистов случаются жизненные затемнения, неотвратимые как зима. В зеркалах торгового центра, коварно расставленных буквально на каждом шагу, я видела сегодня не привычное, вполне миловидное лицо, а словно бы отдельные сегменты-фрагменты не самой удачной фотосъёмки. Тонкие морщины на лбу и под глазами – эскизы будущей старости, которая пока всего лишь примеривается к прыжку. Тусклые (не верьте своим телевизорам!) волосы – без присмотра мастера они тут же отбиваются от рук. И взгляд, лишённый всяческого выражения; неудивительно, что даже поклонники сегодня разбегаются от меня на все четыре стороны.

Обычно мне нравится бродить по торговым центрам, которых в нашем городе настроили уже в таком количестве, что на каждого жителя скоро будет приходиться по несколько штук. Нравится не потому, что к этому настойчиво призывают глянцевого журналы, одержимые вопросом: «Существует ли жизнь после сорока лет?» (правильный ответ – «нет»), а потому, что в магазинах удаётся полностью отключить вредоносные мысли. Когда я заставляю себя ничего не делать – и не занимать голову чтением, – то лучше всего это получается в процессе «вегетарианского» шопинга, абсолютно безвредного для психики и кошелька... Увы, сегодня это не сработало. Сегодня мне в каждом зеркале назойливо показывали усталую женщину, перевалившую за ту самую грань, что отделяет «просто жизнь» от молодости. Женщина испуганно моргала и отводила затравленный взгляд от одного зеркала – лишь для того, чтобы отразиться в следующем.

А ведь раньше я считала, что первые признаки старения (как деликатно выражаются составители текстов для коробочек с дорогими кремами) – такое же неизбежное условие женской состоятельности, как наличие первой аварии в послужном списке начинающего автомобилиста. Пока не почувствуешь сам, каково это – внезапно врезаться в другую машину, не имеешь права считаться водителем. Пока на лице не прорисовалась первая морщина, не имеешь права называться женщиной. Это раньше я, повторюсь, так считала, чтобы подбодрить себя и своих телезрительниц. Я всегда и со всеми старалась быть как можно более доброжелательной и вообще светлой, как Снегурочка. Зато Юрий Карачаев недавно заявил в беседе с П.Н., что доброжелательность, корректность и оптимизм – три главных беды нашего времени, которые сводят таланты в могилы или к нулю. П.Н. возмущенно пересказал мне слова Юрика, но я не стала негодовать с ним на пару, а задумалась: может, правда, хватит уже превращать лимоны в лимонад?

В торговом центре, где я бродила с самого утра, невыгодно отражаясь в зеркалах и перебарывая вчерашние события, много туалетов, по-европейски красивых и даже снабжённых автоматическим спусковым устройством для унитазов. Но на дверях кабинок здесь приклеены азиатские бумажки с убедительными просьбами «не вставать на унитаз ногами».

Я мою руки, стараясь не смотреть при этом на своё отражение. Попробуйте сами, убедитесь, что сделать это не так просто – особенно если речь идёт о женщине, на протяжении многих прекрасных лет благосклонно относившейся к зеркалам.

Сегодня из Парижа возвращается разъярённый П.Н.

Я позвонила ему поздно ночью после записи ещё одного выпуска программы «Гениальная Кухня» (пять рецептов для детского праздника) и тёплой, дружественной встречи с депутатом Горликовым, пытавшимся воплотить на кухне свои представления о прекрасном. Горликов отчаянно злоупотреблял выражениями вроде «потребительская корзина» и вообще сводил меня с ума. Не понимаю, кому пришло в голову выбрать такого в депутаты – лично у меня после полуторачасового общения с Горликовым возникло страстное желание стукнуть его по носу швейцарским молотком для отбивных. Разумеется, я сдержала этот порыв. Потому что я – профессионал, и ещё потому что молоток жалко. Горликов, между тем, остался всем доволен – мы с ним приготовили «Депутатскую закуску» из маслин, буженины и черри-томатов, сварили суп «Мечта народа» из форели с молоком и даже сделали десерт – творожный крем «Дума». Невидимые миру слёзы текли исключительно по ту сторону камеры, и «Звёздное меню» на сей раз понравилось даже Аллочке – она присутствовала при записи программы, что называется, от и до. Новый выпуск «Гениальной Кухни» таким же образом курировал Пушкин, забравший впоследствии домой циклопический кусок клубничного чизкейка – для дочки Сашечки. Меня так не контролировали со школьных времён, когда я, обливаясь слезами, делала математику под маминым присмотром.

...Я вернулась домой к полуночи. Встревоженная Шарлеманя ходила вокруг меня кругами, как голодная акула. Не раздеваясь, я повалилась на пол рядом с кошкой и, уткнувшись в безотказный шерстяной бочок, заплакала. Плакала я долго – пластала от всей души, как выразилась бы Вовочка (волонтёр-хранитель диалектных слов), пока не услышала, что рядом ещё кто-то подвывает в тон... или поёт? О, как же давно не слышно было этого пения! Где-то год назад я установила в телефоне особый сигнал для звонков П.Н. – песню Остапа Бендера в мироновском исполнении: «Нет, я не плачу, и не рыдаю, на все вопросы я открыто отвечаю...»

Остап пошёл уже на второй куплет, когда я, роняя всё кругом, схватила трубку.

– Да, да, да, Павел Николаевич! – крик мой насмерть перепугал бедную Шарлеманю. Гнусавость голоса, так старательно наплаканную, скрыть было невозможно, как, впрочем, и не нужно – П.Н. никогда не обращал внимания на пустяки. Я слышала, как плещутся волны – П.Н. ужинал на берегу залива... (То,

что он ужинает, я тоже прекрасно слышала – зачем прерывать трапезу для такой мелочи, как телефонный звонок на родину?)

– Приятного аппетита, – не к месту пожелал П.Н. (на часы он, разумеется, не смотрел), и я его искренне поблагодарила. Шарлеманя тигриными шагами мерила кухню, подвывая не хуже, чем давеча мы с Остапом. – Слушай, я сейчас отсмотрел Екин эфир... Ты видела? Что скажешь?

Я молчала. Шарлеманя села со мной рядом и сощурила глаза, похожие на маленькие светофорные сигналы. А у П.Н., там, далеко, дерзко крикнула чайка. Моё молчание, судя по всему, тоже было слишком дерзким, потому что шеф на другом конце провода погрузился в долгую (и золотую, как вскоре докажет телефонный счёт) паузу.

– Это я устрицу глотал! – доверчиво объяснил П.Н., шумно запив несчастную вином. В отношении вина и прочего алкоголя я веду себя как скучнейший мормон – и даже в рецепты, без крайней необходимости, не добавляю ничего, способного изменить сознание. П.Н. тоже не слишком увлечён спиртосодержащими напитками, но вином порой балуется, особенно, если сомелье попадётся болтливый... – Мелковатые у них тут устрицы. Вот в Канкале... Помнишь, какие там были змей-горынычи?

Он ещё и Канкаль зачем-то вспомнил...

Мы часто с ним раньше путешествовали – гастро-туры, фуд-фестивали, мишленовские рестораны. Канкаль... Ловушки для устриц на отмели, простецкие закусовые, бугристые раковины... Здоровенные бретонки лихо вскрывают эти раковины, режут пополам лимоны и льют до краёв ледяное белое вино в стаканы.

Шеф глотал устриц, я – слёзы.

– Павел, у меня, кажется, лёгкое переутомление.

– Если лёгкое, значит, всё не так страшно, – жизнерадостно откликнулся П.Н., но тут же придал голосу встревоженную интонацию: – Хочешь в отпуск? Прилетай! Ека сможет тебя подменять...

– Спасибо! Уже подменила. Сегодняшний эфир, если тебе интересно, она полностью слизала с «Гениальной Кухни»: из трёх её рецептов два – мои.

Трубка возмущённо раскашлялась, потом П.Н. попросил (не у меня, разумеется) «лядисьон, сильвупле» и, пока официант бегал за счётом, спросил теперь уже совершенно другим голосом:

– А почему мне об этом никто не сказал? Почему Аллочка даже не удосужилась позвонить? И Пушкин заявил, что всё нормально?

– Наверное, не хотели тревожить, – сказала я, мысленно ругая себя энергичными словами. Вот ведь идиотина, наябедничала, как маленькая девочка, – и теперь все будут знать, что я испортила П.Н. отпуск! Это Канкаль во всём виноват – представила себе тамошнюю благодать, расслабилась и выпустила из-под контроля чувство реальности – вот оно, болтается под потолком, как воздушный шарик! Разве можно расслабляться в беседе с начальником – даже если он безмятежно поедает устриц на расстоянии тысяч километров?..

– Мерси боку, – строго сказал П.Н., звякнув мелочью. – Раз так, прилечу завтра вечером. К ужину буду у тебя. Аллочке и Пушкину скажи – пусть начинают вешаться. И новенькая тоже, я не посмотрю что она гений.

– Павел! – взвыла я, но трубка уже отключилась, а когда я дрожащим пальцем снова нажала кнопку вызова, абонент был недоступен. По крайней мере, для меня.

И вот я брожу по крытым улицам торгового центра, бесцельно разглядываю безголовые манекены, и всячески оттягиваю тот момент, когда всё-таки придётся пойти в «Сириус» за продуктами. Я знаю это своё состояние: единственное, что мне сейчас поможет, – это многочасовая вахта на кухне, долгое дежурство у мартена, после которого отваливаются ноги и темнеет в глазах. Трудно – сейчас кажется, что вовсе невозможно заставить себя это сделать, – но в решающий момент я пинками загоню себя в «Сириус» и возьму там самую большую корзину.

В сумке вдруг страстно запел Оскар Бентон – этот телефонный сигнал обозначает одного очень важного человека. Звонила секретарша прекрасного

доктора Дориана Грея:

– Евгения Александровна, вы помните, что у Дениса Григорьевича сегодня с вами встреча?

Бог ты мой, Евгения Александровна ничегошеньки не помнила! Я помчалась в «Сириус», не оглядываясь на зеркала и витрины. Главное – успеть купить продукты! Встреча с доктором – как раз то, что нужно перед ужином с П.Н.

А сам ужин я всегда успею приготовить.

Глава девятая,

где читателю представится возможность познакомиться с прекрасным доктором Дорианом Греем, П.Н. – вкусно отужинать, а Гене – получить мешочек полезных подарков

И вот я гоню корзину к прилавкам «Сириуса» – будто каравеллу к желанным берегам. Отличное филе сёмги, напоминающее розовый вымпел, я прошу разрезать пополам. Кунжут дома есть, как и паста мисо, но надо взять васаби и дикий рис, похожий на семечную шелуху, – после французских изысков П.Н. непременно порадуетса чему-нибудь восточному, острому. На закуску – профитроли двух видов, одни с оливадой, другие – с копчёной рыбой, хреном и взбитыми сливками. А на десерт подам что-нибудь простое и меткое – как стрела в глаз! – вроде жареной клубники с перцем. По дороге к кассам я прихватила нарезанные кругляшками оливки, кукурузные чипсы, твёрдый, как Буратино, авокадо (к выходным он станет мягче масла), сушёный чеснок, горгонзолу, шалот, картофель, бисквитное печенье для чизкейков... В итоге корзина оказалась набитой до отказа, и длинная лента чека лезла из кассового аппарата, извиваясь, как древний свиток.

– Геня! – голос, как дуло в спину. Кассирша с перепугу выронила монетки из ладони. По движущейся ленте агрессивно, как лазутчики, ползли пакеты следующего покупателя. Повар Гриша Малодубов метко выбрасывал продукты

из тележки.

- Гриша, откуда телятина? Я тоже хочу такую!

Здороваться и соблюдать этикет с Малодубовым не обязательно. Это личность самостоятельная, стихийная. Работать с ним на кухне без усилий смог бы разве что личный помощник Гордона Рамзи. Многие уверены, что Гриша подражает Рамзи, но, боюсь, он так ни разу и не посмотрел его знаменитую программу - я же говорю, он человек самостоятельный и стихийный.

А мясо Гриша и вправду выбрал отменное - хоть на рынке торгуй.

- Последнее забрал! - объяснил Гриша, грозным взглядом отслеживая, как кассирша ведет счёт покупкам. - Слушай, мне вчера звонила от вас одна дамочка, попросила выступить в новой программе - я удивился, почему ты сама меня не набрала. Разлюбила?

Он придвинул ко мне белёсое лицо, похожее на пятку. Я инстинктивно дёрнулась. Гриша - хороший повар, но в жизни - вахлак вахлаком. Не понимаю, как Нателла с ним уживается - она, помимо того что жена Малодубова, так ещё и знаменитый в городе ресторанный критик. Изящная такая штучка. И всё же дёрнулась я не поэтому. Интересно, если я вдруг без предупреждения нагрюну к родителям, Ека что, будет пить с ними чай?.. Я так разозлилась, что даже Гриша - при его пониженной чуткости - понял, что лучше отпустить меня восвояси. Неслыханное дело, ведь рядовая встреча с Малодубовым, как правило, растягивается на целый час.

Я толкала корзину к парковке и думала о прекрасном докторе Дориане Грее. Если кто и сможет мне сейчас помочь, так это только он.

Я честно верю в неслучайность случайностей, и во всяком жизненном происшествии - пусть оно кажется невинным, как дорожный знак, - пытаюсь увидеть предупреждение, шанс или запрет. Давным-давно в самолёте, мирно летевшем в Москву - к финалу литературной премии, - мимо меня прошла (как впоследствии и сама премия) очень яркая и странная девушка. Химически-красные волосы, сверкающие синие глаза - будто сапфиры выскользнули из оправы безутешной владелицы. Чересчур элегантно для раннего рейса костюм.

Я, как мужик, обернулась вслед красавице; она потопталась в очереди у туалета и скрылась в кабинке. Я проводила её взглядом и на обратном пути, а потом, когда самолёт приземлился, и я вместе со всеми побежала к экспрессу до «Павелецкой», первым человеком, которого я увидела в вагоне, была сразившая меня попутчица.

Тогда я и не помышляла ни о каком телевидении, а честно собиралась вырастить из себя писателя. У меня был кое-какой успех – пара шорт-листов, пяток книг и море разлитое предложений выступить в районных библиотеках. Вот и тогда я ехала в Москву для того, чтобы очутиться в зале, где дают престижную литературную премию, и по возможности высидеть себе награду. Мой удел был – сейчас я это знаю наверняка – добраться до финала, предъявить себя и книгу надменным столичным коллегам, а потом убраться на малую родину, освободив дорогу более достойным претендентам. Я не очень люблю вспоминать о тех временах, тем более что в том конкурсе мне ничего не досталось. Более того, кураторша состязания – курносая дама в деревянных бусах на багряной шее – не внесла моё имя (участницы шорт-листа) в список приглашённых лиц. Пришлось долго объяснять охранникам, кто я такая и чего мне тут надобно, старче.

Всё же, повторюсь, тогда я ещё собиралась стать писателем и потому всматривалась в окружающую действительность внимательно, как папа Карло – в полено. И странная девушка, упорно изучавшая берёзовый пейзаж за окном, в конце концов поймала мой взгляд и сказала что-то незначительно-приятное, открывающее дорогу разговору.

Её звали Агнесса – я чуть не свалилась на пол, – она работала адвокатом. Интуиция рванула с места вскачь: зачем мне может понадобиться адвокат? Все случайности неслучайны, а значит, встречу с Агнессой судьба припасла с дальним умыслом. Вопрос – с каким? Может, мне предстоит судебное разбирательство?..

Дорога до Павелецкого занимает ровно 45 минут, учебный час. Мы изучали Агнессу – она полностью заняла время собой, рассказывая о семье, работе и жизненных принципах. Общительная девушка! В Москву Агнесса летела на собеседование; я спросила, на какое число у неё куплен обратный билет, и не удивилась, услышав, – послезавтра. Этим же рейсом собиралась вернуться я.

В метро мы распрощались. Московская толпа быстро замазала яркую Агнессу тёмными штрихами, и через полчаса я о ней и думать забыла. Быстро пришёл

вечер и позорный финал – мне, впрочем, вручили эффектный букет и утешительный диплом. На фуршет оставаться сил уже не было, и, подметая букетом мостовую, я побрела было ночевать к троюродной тётке, как вдруг вспомнила, что обратный билет у меня – с открытой датой. Сунула букет юноше, ждущему зазнобу у неизвестного мне памятника, поскакала на всё ту же «Павелецкую» – и успела на последний, ночной рейс. Агнессы в самолёте, разумеется, не оказалось – это было бы чересчур даже для Провидения.

Но через месяц мы снова встретились – в бассейне. Точнее, в раздевалке бассейна – Агнесса стягивала бахилы с туфель. Красные волосы, сапфировые глаза... Судьба настойчиво толкала нас друг к другу, но при этом не объясняла: зачем?

Агнесса рассмеялась, когда я выразила своё удивление. По ней – случайные встречи, и только! Но ведь наш город – пусть не Москва – всё равно миллионник, и некоторых своих знакомых я не встречаю десятилетиями! А тут – пожалуйста. Нет уж, теперь я ни за что не отпустила бы Агнессу просто так – мы обменялись телефонами. И вновь случайно встретились через полгода – когда я читала депрессивные книжки и приставала к своим ближним с философскими вопросами, которые – по опыту знаю – дико раздражают людей, пребывающих в нормальном состоянии духа. Агнесса была всё такой же красноволосой, но линзы успела сменить на зелёные, русалочки. Зимний город раскрывался перед русалкой Агнессой, как книга. А сама русалка позвала меня в кафе – душистый уютный зальчик, где готовят правильные десерты. Люблю правильные десерты, и ещё люблю лёгких на подъём людей – как же прекрасно они выглядят на мрачном фоне вечно занятых трудоголиков, которые в декабре назначают встречи на февраль. Агнесса запросто могла (и сейчас, я уверена, сможет) отменить важные – с общепринятой точки зрения – дела в пользу незначительных и мелких. Мы заказали кофе, улыбнулись друг дружке, и тут в кафе зашел бодрый мужчина в элегантном пальто – и просиял, увидев Агнессу.

– Вот, кстати, и человек, который тебе поможет, – сказала Агнесса, представляя своего приятеля – психотерапевта Дениса Григорьевича, которого я быстро переименовала в Дориана Грея. Он был избыточно красив, и внешность его явно не соответствовала прожитым годам. Годы мелькали только в серых глазах Дориана – как рыбки в аквариуме. Вопрос о припрятанном портрете возник у меня ещё при первой нашей встрече, которая состоялась благодаря Агнессе – судьба так старалась не провести меня мимо, что назначила случайную встречу в том самом месте, в тот самый день. За каких-то полгода доктор Дориан Грей

распутал все узлы, отучил меня от курения и подарил целый ворох бесценных идей. Главным же приобретением, сделанным в его приёмной, стало знакомство с одиноким богатым гурманом, одержимым идеей создания в городе кулинарного телеканала. Павел Николаевич Дворянцев подарил мне новую жизнь и при этом не особо настаивал на том, чтобы я выдернула из книжки исписанные страницы – это я сделала по собственному почину. Вот так из неудачливой писательницы Евгении Ермолаевой я превратилась в популярную телеведущую Геню Гималаеву. П.Н. стал моим боссом и вдохновителем, доктор Дориан Грей – прочным костылём и поддержкой, что же касается Агнессы, то она выполнила свою задачу и скромно удалилась. В последний раз я видела её на фуд-шоу в Москве – махала рукой, но она почему-то не подошла. Исчезла. И я порой думаю: а что, если никакой Агнессы и вовсе не было? Может, это моё отравленное сочинительством воображение соткало её из бортового воздуха?.. А потом чудесное создание преследовало меня, как личный добрый дух?..

Так или иначе, но всякий раз, оказываясь в приёмной Дориана Грея, заставленной венской (естественно!) мебелью, я вспоминаю моего красноволосого ангела.

Меня впустила очередная секретарша Дориана – на сей раз это была мини-блондинка в макси-юбке с разрезом, сделанным как будто бритвой. На прежнюю девицу, служившую здесь ещё в апреле (высокий длинноволосый скелетик, будто бы наспех выложенный спичками) новенькая походила примерно так же, как ходят друг на друга героини фильмов «Красотка» и «Ночи Кабирии». У Дориана слабость окружать себя молодыми, едва созревшими девицами, принадлежащими совершенно разным типам красоты. Секретарши доктора, соберись они вдруг в одной комнате, с лёгкостью могли бы составить ядро образцового публичного дома. Общее у них, помимо возраста, лишь одно – краткий срок пребывания на месте службы.

Блондинка, умеренно виляя задом, провела меня к кабинету Дориана и там замерла, прислушиваясь. Не знаю, что доктор делает со своими секретаршами, но они боятся его, как морщин на лице и растяжек на груди одновременно.

– Знаете, – шепнула секретарша, – у нас сегодня пациент без записи... Я хотела позвонить вам, но Денис Григорьевич сказал, что успеет...

Что ж, накладки бывают у всех – даже психоаналитик имеет право по ошибке продать два билета на одно место. Я глянула на часы – с полчаса могу и подождать. Сёмга готовится быстро, а рис варится вообще сам по себе.

– Хотите чаю или кофе? – предложила секретарша, и мне вдруг стало её жаль. Совсем молоденькая – в дочери сгодится. Губы обкусаны, на ручонках, голых до плеч, – гусиная кожа. Молодых девочек мне всегда очень жаль – никто не знает, что с ними станет и каких глупостей они натворят... С облегчением вспоминаю про свои 36 – не приведи бог вернуться в мои же 20...

Секретарша неприкаянно послонялась по приёмной, потом уселась за компьютер и, виновато поглядывая на меня, застучала по клавишам. «Роман пишет», – почему-то решила я. (Если так, девчонку в самом деле жаль.)

Когда я писала свой первый роман, то относилась к этому труду так серьёзно, как будто бы от него зависела судьба как минимум нескольких поколений. Тот Человек присутствовал при рождении моего бумажного первенца (других, небумажных, никто не дождался) и с бережным напором акушерки принимал многостраничное дитя. Увы, младенец оказался не из тех, которыми можно гордиться, а Тот Человек, как я уже рассказывала, где-то обронил интерес и ко мне, и к моему творчеству разом. Недавно я встретила его в «Сириусе», и он глянул мимо. Он меня попросту не узнал!

Надо бы рассказать об этом Дориану.

– Дашка! – очень вовремя крикнул из-за двери прекрасный доктор, и секретарша снялась с места без разбега. А мне вдруг захотелось прочесть то, что скрывалось за щитом ноутбука. Впрочем, я не успела даже встать с места, как дверь снова открылась. Прямо на меня, улыбаясь, шла новая звезда канала «Есть!».

– Здравствуй, Геня! – приветливо сказала Ека и дружески коснулась моего плеча. Легонечко так прикоснулась, отработанным жестом. Не помню, кстати, чтобы мы переходили с ней на «ты». – До свидания, Геня!

Ека удалилась, а Дориан выскочил из кабинета, мечтательно ковыряя зубочисткой в ухе. У прекрасного доктора такая степень уверенности в себе, что он может позволить себе даже самые сомнительные привычки. Никак не привыкну к тому, что он снимает ботинки во время консультаций и с

наслаждением шевелит пальцами – во-первых, очень хочется сделать то же самое, во-вторых, это дико отвлекает от беседы. Не исключено, впрочем, что Дориану именно это и нужно. И одно, и другое.

– Прошу прощения, – неискренне сказал доктор, увлекая меня в кабинет. Там пахло Екиным ванильно-вонючим парфюмом и, немного, едким зелёным мылом, которым, подозреваю, по старинке мыл голову Дориан.

Всё повторилось, как в игрушке-симуляторе, где моя героиня постоянно попадалась на прежнюю удочку: я забыла, как красив Дориан, и смотрела на него, раскрыв рот.

– У вас новая болящая?

– Геня, я не обсуждаю своих пациентов. Единственный болящий, которого я готов с вами обсуждать, – это вы сами.

И пошёл гордой поступью к креслу, и уселся, демонстрируя тонкий профиль. В прямом смысле слова – тонкий психолог.

– А как вообще дела? – снизошёл.

– Спасибо, что спросили! Потому что дела уже совсем не похожи на дела. Знаете, как это бывает, – когда вокруг всё рушится.

Дориан весело хрюкнул. Когда я только начинала к нему ходить, то честно подозревала его в желании озолотиться, а вовсе не в стремлении помочь. На самом деле, два этих намерения в нём гармонично сочетались.

– Я не случайно спросила у вас про ту барышню. Это наша новая сотрудница, и она меня преследует.

– А вдруг ей кажется, что всё происходит в точности наоборот?

Я вскинулась:

– Это она вам сказала?

- Да она вообще меня не интересуется, Геня! Меня интересуют вы!

Не получалось у нас сегодня контакта. Даже завалыщенького взаимопонимания не было! Дориан не желал обсуждать Еку, а я хотела поговорить именно о ней. Но поскольку время уже было оплачено (Дашка забрала деньги непосредственно на входе в святую обитель психоанализа), прощаться я, как практичный человек, не стала. Что ж, существует хороший способ отвлечься от мучительной проблемы - вовремя переключиться на другой нарыв, пусть он даже пребывает в относительно спокойном состоянии.

И я начала рассказывать Дориану про Того Человека. Про то, как я встретила его недавно в магазине, а он меня не узнал.

- Господи, ну а вы-то зачем его узнали? Вы что, его всё еще помните, что ли? - удивился прекрасный доктор.

Дориан Грей помог мне избавиться от призрака моей неудачной любви (если бы она была пирогом, то внутри он оказался бы сырым, а снизу - подгоревшим, с чернявой вонькой корочкой). Агнесса вручила доктору мои жалкие - пусть и живые - останки, а он играючи собрал из них нового, жизнеспособного человека.

В этом самом кабинете я долгие часы говорила о том, чего не решалась признавать. Тот Человек разлюбил меня резко и быстро: сосиски варятся дольше! Ещё минуту назад, кажется, он был одержим мной, как бесом, но вот минута прошла, бес улетел, на месте любви - отвращение. Тот Человек даже сам не понял, что вместо любви у него теперь - отвращение, он по инерции продолжал обнимать меня, но уже не любил. Последние крошки любви ещё, впрочем, сыпались, но их было вопиюще мало, даже колобок не лепишь. Зато отвращения становилось всё больше с каждым днем. Невозможно было поверить, что это Тот самый Человек, который убил несколько лет на то, чтобы я его полюбила...

Отвращение к себе - другое дело, но видеть, как тем же отвращением - возможно, даже крепче заваренным, - пропитывается единственно нужный тебе в этом мире человек... Когда он целует тебя - и ему противно, когда он звонит - и ненавидит тебя за то, что ты существуешь...

Я ковыряю ножом в ране, зато это помогает не думать о Еке.

– Вы тратите уйму времени на все эти описания, – перебил меня тогда Дориан, – я бы сказал проще. Вы ему надоели, вот и всё.

Надоела? Этого просто не может быть!

– Может, – сказал жестокий доктор. – Все друг другу надоедают. Рано или поздно.

Когда я наконец поняла, что имеет в виду Дориан, мне сразу полегчало. И я пошла на поправку с того самого дня. Собственно говоря, я продолжаю к ней идти – потому что окончательно избавиться от тени Того Человека мне пока не удалось, но я уже давно смотрю на это затемнение как на нечто, весьма условно относящееся к моей жизни.

...Сегодня спасением и не пахло.

– Встретимся через месяц, Геня, – сказал Дориан, а я, поднимаясь с кушетки, вдруг заметила на его столе новую фотографию в рамке. Это был снимок девушки в сером платье – вот всё, что я могу сказать. Потому что Дориан вдруг нетипично для себя покраснел и переставил фотографию подальше. Навек прощаясь с Дашкой (через месяц меня встретит здесь новая девушка), я думала: интересно, чья же это фотография? На ком так хорошо сидит серое платье?..

Пока я была у Дориана, день скучился. Вокруг моей машины лежали сразу несколько собак в гордых позах уличных сфинксов, предлагающих разгадать какую-нибудь загадку. Например... загадку отсутствия в нашем городе достаточного количества урн. Потрясающая чушь лезет в голову после визита к психотерапевту – пусть и бесполезного.

Я вспомнила нашу беседу с Дорианом и подумала: надо было рассказать ему о том, что я не любила мать Того Человека. Эта женщина вполне прилично готовила, но я не могла заставить себя даже попробовать её кушанья. Помню, сидели мы с Тем Человеком за столом у его мамы, и оба ничего не ели: он – потому что вообще никогда при мне не ел, а я – потому что мне не нравилась хозяйка. Вот и Екину стряпню я ни за что не стану пробовать – не хочу глотать продукты, к которым она прикасалась.

Точно так же я не могу читать книги людей, которые мне неприятны. Не могу абстрагироваться от личности «создателя». У меня есть знакомый автор, исключительно способный ко всякого рода пакостям; раньше – до того, как узнать об этом, – я совершенно спокойно и с удовольствием его читала, но после – не смогла проглотить ни буквы.

К счастью, поваров и писателей в нашем мире – как недорезанных собак в корейской кухне... Проектировщики, например, встречаются в моей жизни значительно реже. И даже филологов, не поверите, в ней заметно поубавилось.

Кстати, о филологах, пусть даже бывших! П.Н. уже через несколько часов постучит в мою дверь, а ужином ещё и не пахнет!

Впервые за минувшие сутки мне вдруг захотелось готовить – до судорог!

И я готовила в тот вечер так, как это делала бы мать большого семейства накануне внезапного приезда двадцати гостей. Я вдавливала кунжутные семечки в сочную плоть сёмги, варила морковный суп и дикий рис, взбивала тесто для профитролей, которые распускались потом в духовке, как диковинные жёлтые розы... Я не могла остановиться: напекла булочек с черникой, сделала гуакамоле, который был уже совсем не в тему ужина, и принялась было разделявать слоёный пирог с брынзой, шпинатом и тмином, как в дверь позвонили. Довольная Шарлеманя, слизывая с усов последнюю память о сёмге, побежала навстречу, а у меня руки были в муке по локоть, словно бальные перчатки, так что я на секунду задержалась.

– Не пускаешь? – возмутился гость, с порога вручая мне громадный бумажный пакет. Я заглянула туда, догадываясь о том, что увижу, и опасаясь, что неправильно догадываюсь. Зря боялась, П.Н. своё дело знает туго! В пакете нашлось всё, чего нельзя купить в нашем городе: банка с нежной, как заря, тарамой, три блока качественной фуа-гра, бри, миндальные лепестки, тубик марципановой массы, очищенные несолёные фисташки, шафран, лавандовая соль, чай от Фушона и – на самом дне – большая порция надежды, которая у меня уже давным-давно закончилась.

Ужин решили сервировать в кухне – так быстрее и уютнее. На канале «Есть!» в это самое время шла программа Давида Колымажского – вечерний хит-парад кулинарных провалов «Фиаско». Сегодня первое место заняла домохозяйка из городка Нижний N, представившая на суд публики картофельное пюре омерзительно-розового цвета и мини-пиццу из баранок.

Профитроли П.Н. уничтожал, как монстров в компьютерной игрушке, – последовательно и страстно, морковный суп смаковал, как долгожданную победу, а сёмгу изучал подробно, как новый договор с перспективным, но хитрым партнёром. На десерте я наконец не выдержала:

– Что будем делать, Павел?

Я имела в виду Еку, себя и канал «Есть!», но П.Н. был настроен лирически, серьёзных разговоров почему-то вести не захотел и всего лишь пробурчал какую-то банальность вроде того, что утро вечера мудренее. И что ночь мудрее обоих.

Глава десятая,

в которой Еке вновь удаётся перехватить микрофон

– Скажите, вы боитесь старости?

Журналистка лезет сразу и в лицо, и в душу – интересно, их этому обучают на факультете медийных наук, или они приобретают такие свойства естественным путём? Ека усмехнулась, задумавшись, и тут же прогнала видение.

В мечтах журналисты обычно были напористыми, но не наглыми, и задавали только те вопросы, которые Ека успела всесторонне обдумать.

– Нет, – улыбнулась бы она, – я не боюсь старости. Моя работа не зависит от возраста – я не стюардесса, и не актриса.

Вымышленная журналистка спрашивала о том, какое у Еки любимое блюдо, кем она хотела стать в детстве, и каковы её планы на будущее. Вопросы журналистам всего мира раздают распечатанными в стомиллионном количестве экземпляров. Но Ека терпеливо отвечала бы даже на самые предсказуемые. Планов – множество, она не станет ими делиться из суеверия. В детстве метила в писательницы. Любимое блюдо – апельсины с корицей.

Журналистка невозможно разочарована апельсинами. Слишком просто это звучит, но Ека непреклонна – апельсины с корицей, точка.

От досады журналистка стреляет в упор:

– Скажите, Ека, вам не скучно быть второстепенной героиней?

Ека задыхается, скребёт по одеялу скрюченными пальцами, насмерть пугая кота, а потом... просыпается. Долго приходит в себя, разглядывая стопу кулинарных книжек на тумбочке. Тут всё, что нужно, – от Огюста Эскофье до Елены Молоховец, от Александра Дюма-отца до «Организации общественного питания». Сверху, обложкой вниз, валяется роман Евгении Ермолаевой «Больное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/matveeva_anna/est

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)